
МАРК ВЛАСОВ
СЕКТОР 7
АНИМУС
ЗАПЕРТЫЕ ВНУТРИ

Марк Власов
Анимус. Запертые внутри

https://litres.ru/74694898
SelfPub; 2026

Аннотация

Добро пожаловать в Верхний Анимус — место, где нет войн, преступлений и боли. Система «Эмпат» гарантирует тебе сытость и абсолютную безопасность. Цена — серебряный браслет «Гармонии» на твоем запястье. Его микроиглы круглосуточно выжигают из твоей головы любые вспышки страха, тоски или несанкционированной любви, превращая людей в послушных, вежливо улыбающихся привидений.

Но что делать, если твой разум дал сбой? Если ты больше не хочешь этого пластикового покоя, а внутри начинает закипать запретная, первобытная ярость?

На мониторах уже горит багровая плашка розыска, а в спину дышит Каста Порядка. Впереди — только побег на изнанку мира, ржавые трущобы и опасная сделка с теми, кто тайно синтезирует «Искру» — лекарство, способное всего на десять минут вернуть человеку его израненную, но настоящую душу.

Безупречное зеркало Анимуса дало трещину, но готовы ли люди проснуться от своего блаженного сна? И какая участь ждет тех, кто решится дышать без фильтров?

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Соглядатай	8
Глава 2. Замкнутый контур	12
Глава 3. Желтый уровень опасности	20
Глава 4.Антидот	27
Глава 5. Рынок разбитых чувств	31
Глава 6. Десять минут правды	39
Глава 7. Охота на ведьм	51
Глава 8. Убежище «Сбой»	59
Глава 9. Синдром отмены	66
Глава 10. Законы Улья	72
Глава 11. Точка невозврата	77
Глава 12. Шпионские игры	83
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Анимус. Запертые внутри

Пролог

Записи архитектора тишины:

Я до сих пор помню тот день, когда впервые услышал настоящую тишину.

Это случилось в лаборатории, за три года до того, как на карте появился Верхний Анимус. Тогда мы с коллегами только вывели первую формулу искусственного подавления кортизола — простое, казалось бы, химическое соединение, способное мгновенно блокировать очаги тревоги в человеческом мозге.

Нашим первым подопытным стал мужчина, потерявший семью в пожаре; человек, который третий месяц балансировал на грани безумия от хронической бессонницы.

Уже спустя минуту он перестал плакать. Спустя две — его загнанный пульс выровнялся, став размеренным и спокойным. А спустя пять минут на его лице появилась улыбка.

Я стоял за стеклом смотровой и не мог оторвать от него взгляда. Из его глаз исчезла та выжигающая изнутри боль, которая терзала его неделями, уступив место абсолютному, стерильному и безупречному покою.

Именно тогда мне показалось, что мы наконец-то нащупали спасение. Человечество веками изнывало от гнёта соб-

ственных чувств — от разрушительных войн, слепой ненависти и горя, разрывающего души на части. Мы же нашли способ прекратить эти страдания раз и навсегда.

В тот момент я совершенно не думал о том, что именно мы отнимаем у людей. Меня ослепляло лишь то, что мы им даруем.

Благословенную тишину.

Прошли годы. Система «Эмпат» опутала своими нитями всё общество, а браслеты «Гармонии» превратились в неотъемлемый атрибут каждого гражданина Верхнего Анимуса.

В то время я ещё иногда заглядывал в Центр Коррекции, чтобы понаблюдать за будничной работой инспекторов. Меня завораживало то, с какими мягкими, благожелательными улыбками они подключали инъекционные иглы к бьющимся в агонии пациентам, и как быстро люди в креслах переставали кричать.

Но однажды я столкнулся взглядом с мальчишкой лет четырнадцати. Он отчаянно сопротивлялся, кусал державших его санитаров и срывал голос, выкрикивая, что его мать жива и он ни за что на свете не согласится её забыть, даже несмотря на то, что общество объявило ее изгоем.

Его калибровка заняла не более двадцати минут. Когда он поднялся с кресла, на его лице уже играла стандартная улыбка «категории Б». Парнишка подошёл ко мне и тихо произнёс: «Здравствуйте, доктор Лок. Спасибо, что спасаете нас».

Я машинально кивнул, но именно в ту секунду где-то в

глубине моей души шевельнулся едва различимый, пугающий голос: а что, если мы спасаем вовсе не их? Что, если всё это время мы просто защищали себя от их боли?

Тогда я поспешил отогнать эту мысль, сочтя её деструктивной ошибкой уставшего разума.

Шли годы, и я перестал посещать Центр. Я больше не смотрел в глаза тем, кто сидел в креслах, полностью уйдя в рутину: высчитывал формулы, составлял бесконечные протоколы и подписывал директивы.

А затем со мной заговорила сама Сеть.

Поначалу это походило на ненавязчивые, почти дружеские подсказки, всплывающие в сознании: *«Доктор Лок, эту рекомендацию целесообразно одобрить»* , *«Доктор Лок, данный субъект несёт скрытую угрозу»*. Но постепенно эти советы трансформировались в чёткие, непререкаемые приказы.

И однажды, оглянувшись назад, я с ужасом поймал себя на мысли, что совершенно не помню, когда в последний раз принимал решение самостоятельно.

Сейчас я смотрю на свои пальцы, сжимающие ручку, которая продолжает послушно выводить строки на бумаге. И я искренне не знаю, кто именно управляет этим движением — остатки моей воли или алгоритмы Сети.

Но остановиться я уже не могу.

Ведь если я замру хотя бы на мгновение и оглянусь вокруг, мне придётся лицом к лицу столкнуться с тем ужасом,

который я сотворил. А к этой встрече я не готов.

Поэтому мне остаётся только одно — продолжать слепо верить в то, что я действительно подарил им спасение. Верить, что наш новый мир устроен правильно. И отчаянно, вопреки всему, внушать самому себе, что я не чудовище.

Потому что если я монстр, значит, вся моя жизнь и всё, ради чего я переступил через человечность, было напрасным.

А принять эту правду я не смогу никогда.

Глава 1. Соглядатай

Верхний Анимус неизменно пах химической свежестью — въедливой, искусственной и до тошноты чистой. Даже здесь, на глухом техническом ярусе грузового лифта, где воздуху полагалось сочиться тяжёлым машинным маслом, гарью и человеческим потом, вездесущая система «Домус» умудрялась фильтровать его до абсолютной, мёртвой стерильности.

Нейт искренне ненавидел этот запах. От него сводило челюсти, а в носу свербело от непрекращающегося желания чихнуть.

Парень замер в узкой, едва освещённой нише прямо за распределительным щитом, до боли прижавшись лопатками к холодному гофрированному пластику стены.

На его запястье, вопреки закону, не красовался серебристый ободок «Гармонии» — вместо него кожу давил старый, потертый кожаный ремешок от наручного терминала, который он всего неделю назад выменял у беглого изгоя на нижних уровнях. А глубоко в кармане куртки лежал крошечный, почти невесомый контейнер с портом для украденных чипов памяти.

Его сегодняшний улов: самый опасный и самый ценный.

Нейт осторожно приподнял голову, вглядываясь в узкую технологическую щель между стыками панелей.

Прямо под его ногами, залитая безупречным неоновым светом, расстилалась идеально круглая белая площадь. По ней ровными, математически выверенными рядами текли люди. Их лица светились безмятежным, глянцевым спокойствием, от одного взгляда на которое у Нейта до хруста сводило скулы.

Он наблюдал за этим конвейером уже больше часа, и за всё это время ни один человек не сбился с шага, не споткнулся, не замедлил ход и не обернулся назад.

А потом в этом безупречном потоке появилась она.

Девушка шла по самому краю площади, и её походка мгновенно, кричаще выбивалась из общего монотонного ритма. Она не просто шла, а почти кралась, словно выслеживала добычу или сама пыталась скрыться от погони.

Её плечи были напряжены до предела, а пальцы судорожно, до побелевших костяшек, впивались в широкую лямку сумки. Нейт прищурился, до боли в глазах вглядываясь в её черты сквозь полумрак. Лицо незнакомки казалось мертвенно-бледным, а на лбу в свете ламп блестели мелкие капли испарины.

И в эту секунду он её узнал.

Марк не раз показывал ему старые, бережно хранимые фотографии. На них была точно такая же девчонка с непослушными тёмными волосами, ладной фигурой и упрямым, резко очерченным подбородком, вот только на тех снимках она открыто и легко улыбалась. Здесь же, посреди стериль-

ного рая, она выглядела так, словно ступала босыми ногами по лезвию бритвы.

Нейт затаил дыхание. Он слишком хорошо знал этот взгляд. Так смотрят обречённые люди за секунду до того, как окончательно сорваться в пропасть.

Так когда-то смотрел он сам, умирая от страха и сбегая из родительского дома. Так смотрела его мать в тот злополучный день, прямо перед тем, как на её пороге возникли инспекторы порядка.

Девушка внезапно замерла. Она остановилась в самом центре площади, и мимо неё, не замечая преграды, продолжали плавно течь эти улыбающиеся, живые манекены.

Брюнетка смотрела строго перед собой, но её широко распахнутые глаза оставались абсолютно пустыми — казалось, прямо сейчас перед ней разворачивалось нечто такое, чего не видел больше никто.

Нейт отчетливо заметил, как её левая рука инстинктивно, судорожным движением дернулась вверх, пытаясь прикрыть, спрятать от чужих глаз серебристый ободок на запястье.

«Она на грани. Ещё немного, и система её сожрёт», — промелькнуло в его голове.

Нейт вполне мог уйти. Мог просто отвернуться от щели, бесшумно спуститься по пожарной лестнице на нижние ярусы и навсегда забыть об увиденном. Это был не его стерильный мир, и эта война изначально не имела к нему никакого отношения. Но что-то в искажённом знакомом лице — ка-

кая-то отчаянная, злая и дикая решимость — заставило его остаться на месте.

Он продолжал заворожённо смотреть, как Кира стоит посреди равнодушной толпы, как искусственно созданный системой ветер треплет её волосы, и как она ведёт эту невидимую, изнурительную борьбу с самой собой.

А затем девушка резко развернулась и быстрым, почти лихорадочным шагом направилась в сторону массивных дверей лицея.

Нейт медленно отстранился от распределительного щита, погружаясь в густую тень технического коридора. В его мыслях уже стремительно выстраивались контуры нового, безумного плана.

«Значит, родная сестра Марка, — подумал он, глубже вбивая контейнер с чипами в потайной карман куртки. — Что ж, маленькая бунтарка. Посмотрим, насколько хватит твоего упрямства».

Глава 2. Замкнутый контур

«Люди боятся тишины. Я тоже боялся — пока не понял, что тишина бывает разной. Есть тишина пустой комнаты, а есть тишина правильно настроенного города. Ко второму виду привыкаешь и потом уже не можешь без него. Не помню, когда перестал различать, чего хочу я, а чего хочет от меня система. Наверное, это и называется сработаться»
— Из дневника Т. Лока

Утро в секторе «А-12» всегда начиналось со звука, который Кира ненавидела всей душой — с сухого, металлического щелчка потолочных диффузоров.

Ровно в 06:00 «Домус-7» запустил утренний цикл дезинфекции. Воздух в спальне мгновенно стал плотным, холодным и колючим. Насыщенный искусственной свежестью и мелкодисперсным антисептиком, он вытеснил остатки ночного тепла, заставляя легкие сжаться.

Кира открыла глаза и уставилась в идеально белый, матовый потолок. На нем не было ни одной трещины, ни единого пятнышка — система очистки выжигала любые следы человеческого пребывания каждые двадцать четыре часа.

Кира медленно подняла левую руку. Серебристый металлический ободок «Гармонии» плотно облегал запястье, по-

чти впиваясь в лучевую кость. Сейчас его тонкий светодиодный индикатор спал — он мерцал тусклым, едва заметным матовым светом, ожидая, пока хозяйка полностью придет в сознание.

Кира знала: под этим гладким сплавом прячутся двенадцать микроигл. Они круглосуточно находились в верхних слоях её эпидермиса, считывая уровень кортизола, адреналина и частоту сердечных сокращений. Стоило проснуться от кошмара, и прибор тут же пронзил бы руку коротким электрическим импульсом, возвращая пульс к предписанной норме.

Девушка села на кровати. Умная ткань матраса тут же начала восстанавливать форму, стирая вмятину от её тела. Адаптивная серая сорочка, выданная утренним распределителем одежды, сама расправилась на плечах, уничтожая намеки на складки. В мире Верхнего Анимуса даже текстиль не имел права на хаос.

— Гражданка Кира Рихтер, — раздался из скрытых динамиков мягкий, лишенный половых признаков голос домашнего ИИ. — Ваш текущий индекс стабильности составляет девяносто четыре единицы из ста. Это отличный показатель для предвыпускной недели. Рекомендуемое время для утреннего сбора — одиннадцать минут. Желаем вам продуктивного дня во благо Синхронии.

Кира ничего не ответила. Переговариваться с ИИ считалось признаком легкой девиации — здоровый гражданин

просто следовал протоколам.

Она встала и подошла к окну. За двухслойным бронестеклом раскинулся Верхний Анимус, залитый ровным, отфильтрованным через городские купола солнечным светом.

Улицы, выложенные белоснежной прессованной крошкой, казались нарисованными. По ним уже двигались первые цепочки людей — все в светлых, идеально отутюженных костюмах технологического или административного классов.

Никто не бежал. Никто не размахивал руками. Движения граждан напоминали танец хорошо смазанных манекенов. Если бы кто-то сейчас споткнулся или ускорил шаг, уличные сканеры тут же окрасили бы его зону в предупреждающий желтый цвет.

Кира вздохнула, заставив себя улыбнуться собственному отражению в стекле. Браслет на руке коротко вибрировал, одобряя мимическое сокращение мышц. Зеленый огонек вспыхнул чуть ярче.

На кухне пахло тостами с корицей и стерильной свежестью — этот аромат всегда оставался после утренней дезинфекции воздуха. Солнечный свет падал на белоснежную столешницу из искусственного камня ровными, прямоугольными полосами. Всё выглядело безупречно, словно на рекламном голокадре жилого сектора.

Кира сидела у окна, медленно помешивая остывающий чай. Ложка едва слышно брякала о край фарфоровой чашки. Ей нужно было сосредоточиться на этом звуке, на ритме,

чтобы удержать пульс в пределах нормы. Раз. Два. Три. Металл о фарфор. Это была её личная, тайная гимнастика.

— Тебе следует добавить немного сиропа агавы, Кира, — произнес Марк.

Он сидел напротив, идеально прямой, с аккуратно зачесанными назад темно-каштановыми волосами. На нем была стандартная серая форма технологического класса, без единой складки.

Марк улыбался — ровно настолько, насколько предписывал протокол утреннего семейного взаимодействия. Глаза его при этом оставались абсолютно неподвижными, как озерная вода в безветренный день. В них не было дна. Только плоская, зеркальная поверхность.

— Спасибо, Марк. Я не хочу сладкого, — тихо ответила Кира, стараясь, чтобы ложка не звякнула слишком резко.

— Глюкоза с утра стимулирует когнитивные функции на четырнадцать процентов эффективнее, — заметил отец, Артур Рихтер, не поднимая глаз от планшета, где обновлялись графики продуктивности их архитектурного бюро. — Твой брат прав. Впереди выпускное тестирование в «Синхро», и тебе нужна ясная голова. Мы не можем допустить, чтобы индекс нашей ячейки просел из-за невнимательности к диете.

Мать, Элена, в это время заботливо раскладывала по тарелкам омлет. Она тоже улыбалась — той самой мягкой, стандартизированной улыбкой «категории Б», которая выражала умеренную семейную гордость.

В этом доме вообще все всегда улыбались, и от этого однообразия у Киры иногда сводило челюсти. Ей безумно, до крика хотелось увидеть на лице матери хотя бы усталость. Или раздражение от того, что муж опять уткнулся в свои графики. Но Элена лишь плавно двигала руками, расставляя приборы строго под прямым углом друг к другу.

Кира посмотрела на руки Марка. Когда-то на этих пальцах были вечные мозоли от гитарных струн, а под ногтями иногда оставались следы чернил, потому что он постоянно что-то записывал в старую бумажную тетрадь.

Кира помнила, как он прятал её под матрасом, и как они вместе, задыхаясь от восторга и страха, слушали на заброшенной крыше хриплый, запрещенный трек «Вдребезги». Марк тогда смеялся — громко, запрокинув голову, и его глаза блестели так ярко, что казались живым серебром.

Теперь его ногти были идеально подстрижены, а пальцы лежали на столе параллельно друг другу. Когда Кира случайно уронила салфетку, Марк поймал её на лету с молниеносной, почти неестественной реакцией.

«Центр Коррекции улучшает моторные функции», — вспомнила Кира строчку из официальной брошюры. Но брошюра умалчивала о том, что центр забирает взамен. Марк больше не пел по вечерам. Он не злился, когда она брала его вещи без спроса. Он больше вообще ничего не делал без одобрения ИИ. Он стал идеальным. И совершенно чужим. Вместо брата напротив неё сидел безупречно сконструиро-

ванный биоробот с лицом Марка.

— Я, пожалуй, пойду, чтобы не опоздать на транспорт, — Кира отодвинула нетронутый омлет и встала.

Браслет на запястье едва заметно завибрировал, посылая легкий электрический импульс в кожу — предупреждение о том, что уровень её удовлетворенности едой упал ниже нормы.

Кира сделала глубокий вдох, заставляя себя подумать о чем-то приятном и безопасном, например, о предстоящей лекции по анализу данных. Огонек снова стал ровным, зеленым.

Улицы Верхнего Анимуса встретили её прохладой и тихим шелестом электробусов. Люди двигались по тротуарам стройными потоками. В воздухе плыла тихая, расслабляющая эмбиент-музыка, транслируемая из городских динамиков. Город был похож на отлаженный часовой механизм.

Кира вошла в салон электробуса «Линия-4». Внутри царила мертвая тишина, нарушаемая лишь шорохом магнитных шин. Пассажиры сидели, уставившись в экраны своих терминалов, их лица были освещены ровным синеватым светом. Все они выглядели одинаково спокойными.

Вдруг на третьем ряду произошло движение. Молодая женщина в белом платье администратора выронила из рук сумочку. Из нее посыпались мелкие предметы, и один из них — круглый металлический медальон — с тихим звоном покатился по проходу. Женщина наклонилась, её дыхание

стало частым, рваным. Кира увидела, как браслет на её левом запястье мгновенно вспыхнул тревожным, ядовито-янтарным цветом.

Пассажиры вокруг синхронно, словно по команде, отвернулись к окнам. Никто не помог ей собрать вещи. Помочь — значило признать наличие проблемы, вовлечься эмоционально, а это могло уронить их собственные индексы.

Женщина судорожно заталкивала вещи обратно в сумку, её пальцы дрожали, а янтарный огонек на руке уже начинал пульсировать, подбираясь к опасной желтой границе.

Кира заставила себя закрыть глаза. Внутри неё поднималось опасное, жгучее сочувствие, и её собственный прибор тут же отозвался предупреждающей вибрацией.

«*Думай об архитектуре,* — приказала она себе. — *Думай о графиках продуктивности. Симметрия. Порядок. Баланс*».

Когда девушка снова открыла глаза, женщина уже сидела прямо. Ее лицо вернуло себе маску вежливого спокойствия, а браслет снова горел зеленым. Система впрыснула ей дозу седативного. Женщина была спасена для общества. И уничтожена как человек еще на одну крошечную долю процента.

Электробус тихо затормозил у стеклянного пилона лицейского корпуса. Кира вышла на чистый воздух, чувствуя, как под курткой спина покрылась холодной испариной. Впереди, у самого входа, она увидела Лизу. Подруга стояла у стеклянной колонны, и Кира сразу поняла: тихая гавань этого утра

закончилась.

Глава 3. Желтый уровень опасности

«Мне часто снится один и тот же сон. Я стою в белом коридоре, а навстречу идёт человек. Я знаю, что это я. Только у него нет лица — гладкий пластик, как у наших диагностических капсул. Он проходит мимо и говорит: «Всё в порядке, доктор. Продолжайте». Я просыпаюсь спокойным, и это самое страшное»
— Запись из архива Т. Лока

Лиза стояла у стеклянной колонны вестибюля, и Кире хватило одного взгляда, чтобы почувствовать, как внутри всё сжимается от нехорошего предчувствия.

В Верхнем Анимусе люди так не стояли. Лиза буквально вжималась лопатками в прозрачный пластик, словно пыталась раствориться в нем, исчезнуть. Ее пальцы судорожно, до белых костяшек, терзали плотную нейлоновую лямку рюкзака. Она слишком часто моргала, а нижняя губа едва заметно подрагивала.

Самое страшное было на её левом запястье. Серебристый ободок «Гармонии» под полупрозрачным рукавом блузки уже не просто горел янтарным, а пульсировал ядовито-желтым, рваным светом, сердито и часто вибрируя. Это была самая грань. Еще немного — и прибор окрасится в багро-

во-красный, сигнализируя о ментальном взрыве.

— Лизи? — Кира подошла ближе, стараясь говорить как можно небрежнее.

Ей стоило огромных усилий удерживать на лице маску вежливого, слегка сонного дружелюбия. Прямо над их головами, на потолочной балке, медленно вращался объектив камеры слежения, фиксируя траектории движения лицеистов.

— Ты выспалась? У нас сегодня первым модулем анализ данных, ты помнишь?

— Они… они прислали уведомление моему отцу, — шепотом произнесла Лиза.

Ее голос дрожал, срывался на свист, и эта неприкрытая, чистая человеческая дрожь испугала Киру сильнее, чем если бы подруга закричала на всю площадь.

Вокруг них текли потоки студентов. Все они, заметив желтую пульсацию на руке Лизы, инстинктивно увеличивали радиус обхода, огибая девушек по широкой дуге. Лица лицеистов оставались безупречно отстраненными.

— Мой индекс стабильности падает третью неделю, Кира, — Лиза схватила её за край куртки, и Кира почувствовала, как её собственное запястье обожгло предупреждающим током. — Я не могу больше. Эти симуляции в классе… ИИ каждый раз моделирует для меня техногенную катастрофу, Кира. Вчера это был обвал жилого сектора. Вокруг кричали проекции детей, всё горело, а датчики… датчики считывали мою эмпатию. Система требует, чтобы я оптимизиро-

вала протокол спасения без учета человеческих потерь. А я не могу… я просто не могу контролировать страх, когда вижу этот огонь! Я завалила очередной тест. Если индекс упадет ниже семидесяти, меня отправят на Калибровку. Ты же знаешь, что они там делают… Посмотри на Марка! Он ведь мертв, Кира! Из него сделали куклу!

— Тише, ради всего святого, тише, — Кира перехватила Лизу за запястье, накрывая своей ладонью пульсирующий желтый датчик.

Кожа подруги была ледяной и влажной от пота. Под пальцами Киры чужой прибор заколотился еще яростнее, переходя на граничный, оранжевый тон. Киру захлестнула чужая паника.

Ловушка Верхнего Анимуса работала безотказно: сострадание здесь было заразной болезнью. Твой близкий сходит с ума от страха, ты пытаешься его утешить, твой пульс растет — и система забирает вас обоих.

— Посмотри на меня, Лизи. Смотри мне в глаза, — Кира с трудом удерживала собственную улыбку, хотя внутри всё кричало от ужаса. — Дыши на четыре счета. Вдох. Раз, два, три, четыре. Задержи дыхание. Давай вместе. Мы что-нибудь придумаем. Мой отец знает архитекторов «Синхро», мы подадим апелляцию…

Но было слишком поздно. Протоколы безопасности города работали быстрее, чем человеческая надежда.

Из-за угла стеклянного вестибюля бесшумно выкатился

белый глянцевый дрон службы «Эмпат». Сфера диаметром чуть меньше метра зависла в воздухе, её нижний сканирующий луч — ярко-синий, слепящий — с тихим щелчком зафиксировал девушек.

— Внимание, — раздался из динамика сферы механический голос. — Зафиксирована зона критического эмоционального шума. Гражданка Лиза Вэнс, ваш контур дестабилизирован. Оставайтесь на месте.

Одновременно с этим из раздвижных боковых дверей лицейского корпуса вышли двое мужчин в белоснежной, плотной форме санитарных инспекторов. На их лицах не было злости или суровости. Напротив, они мягко, вежливо улыбались стандартизированной улыбкой успокоения, от которой у Киры внутри всё перевернулось. Их движения были спокойными, расчетливыми и пугающе уверенными.

— Гражданка Лиза Вэнс, — произнес один из них, сверяясь с мерцающим терминалом на ладони. — Зафиксирован критический сбой эмоционального контура. Уровень вашего стресса угрожает общественной безопасности и снижает общую продуктивность сектора. Вам необходимо пройти с нами для калибровки браслета и восстановления ментального баланса.

— Нет, пожалуйста, — Лиза сделала шаг назад, с силой прижимаясь спиной к колонне. — Я в порядке. Я просто… я просто не позавтракала. Это гипогликемия, правда! Кира, скажи им! Я могу идти на лекцию!

Вокруг начали останавливаться другие лицеисты. Они не возмущались, а смотрели на происходящее с вежливым, слегка отстраненным сочувствием — именно так, как их учили с детства реагировать на чужие «болезни». Никто не сделал шага вперед. Никто не потребовал отпустить девушку. Для них Лиза сейчас была не подругой или одногруппницей, а неисправным механизмом, который нужно сдать в ремонт, чтобы он не портил общую статистику.

Кира почувствовала, как внутри нее, где-то в самой глубине груди, начинает подниматься горячая, глухая, удушающая волна. Это была чистая, запретная, первобытная ярость. Та самая, которую она не чувствовала с того самого дня, как Марка увезли в такой же белой машине.

Система Анимуса уверяла, что это девиация. Но сейчас Кира понимала: это единственное, что делало её живой.

Ее собственный браслет на запястье обжег кожу резким, янтарным светом. Микроиглы глубже вонзились в эпидермис, посылая предупреждающий электрический разряд. Руку свело легкой судорогой.

— Она пойдет со мной, мы просто зайдем в медицинский блок лицея, — Кира сделала шаг вперед, пытаясь встать между Лизой и инспектором.

Она протянула руку, но второй мужчина мягко, но непреклонно перехватил её за локоть и отодвинул в сторону. Его ладонь в плотной белой резиновой перчатке была холодной, как лед.

— Не мешайте процедуре, гражданка Кира Рихтер, — ровно произнес инспектор, и его пустые, спокойные глаза скользнули по её лицу. — Ваше текущее поведение также классифицируется системой как пограничное. Не заставляйте нас расширять протокол изоляции. Займитесь дыхательной гимнастикой.

Они взяли Лизу под руки. Девушка уже не кричала — от ужаса её голос пропал, она лишь беззвучно глотала воздух, глядя на Киру расширенными, полными слез глазами. В этот момент её браслет окончательно сдался — серебристый ободок вспыхнул багрово-красным, ровным цветом.

Белая машина с наглухо тонированными стеклами, бесшумно подкатившая к ступеням, приняла Лизу в свое стерильное нутро. Двери захлопнулись с глухим, герметичным стуком. Автомобиль уехал так же тихо, как и появился, мгновенно растворившись в безупречном, ровном потоке городского транспорта.

Музыка из уличных динамиков на мгновение стала чуть громче, словно искусственный эмбиент пытался заглушить оставшуюся после инцидента тишину.

Кира стояла на ступенях, сжимая кулаки так сильно, что ногти вонзились в ладони, пробивая кожу. Ее браслет бешено мигал желтым, предупреждающе вибрируя каждые три секунды. Ей срочно нужно было успокоиться. Нужно было подумать о графиках продуктивности, о формулах, о белизне столешницы. Если она сейчас не вернет огонек к зелено-

му цвету, следующая белая машина приедет за ней.

Она развернулась, проигнорировав лекционный корпус, и быстрым шагом направилась к технической зоне за лицеем, где камеры имели слепую зону из-за раскидистых кустов декоративного нео-клена.

Спрятавшись в густой тени искусственной листвы, Кира тяжело дышала. Ее трясло. Она залезла в сумку, достала небольшой моток плотной черной ферроленты, которую стащила вчера из ящика отца, и начала судорожно, слой за слоем, обматывать свое левое запястье. Прямо поверх серебристого ободка. В три слоя.

Черная магнитная лента плотно легла на прибор, заглушая его багровое свечение. Браслет глухо заколотился под лентой, словно пойманный в ловушку шмель, пытаясь пробить изоляцию своими радиоволнами, но вышки Анимуса потеряли его прямой сигнал.

В одном Кира теперь была уверена твердо: она не позволит им сделать с Лизой то же самое, что они сделали с её братом. Даже если для этого придется сломать этот чертов идеальный город. Назад дороги не было. Она официально совершила ментальное преступление.

Глава 4.Антидот

В «Улье» никогда не существовало тишины. Даже глубокой ночью, когда закрывались последние стихийные рынки, а копоть от жаровен оседала на стенах, где-то в глубине ржавых, сочащихся сыростью коллекторов продолжала монотонно капать вода, скрежетал старый металл и натужно выли изношенные турбины вентиляции.

Нейт давно перестал его замечать, как обычные люди перестают замечать мерное биение собственного сердца.

Он сидел на корточках перед низким верстаком, почти уткнувшись лицом в сфокусированный луч настольной лампы. В стерильном держателе микробиореактора покоилась тонкая стеклянная колба. Внутри неё, под воздействием направленных ультрафиолетовых лучей, медленно стабилизировалась органическая структура — сложнейший молекулярный комплекс, который Нейт по крупицам собирал из краденых медицинских компонентов.

Это была «Искра». Нейромодулятор, способный временно заблокировать сигналы сети на синаптическом уровне и вернуть человеку его собственные, живые эмоции.

Нейт осторожно, едва дыша, контролировал процесс молекулярной сборки на экране портативного сканера. Требовалось с точностью до секунды выдержать время биосинтеза и вовремя остановить реакцию, иначе вся структура рас-

падётся, превратившись в бесполезную прозрачную воду. А исходные клеточные штаммы с чёрного рынка стоили бешеных денег. Он просто не имел права на ошибку.

— Ты опять полуночничаешь, — раздался хриплый, глухой голос из угла, где сгущалась темнота.

Ян неторопливо вышел на свет, лениво потирая заспанное лицо. Огромный, невероятно широкоплечий, в тесном пространстве заваленной хламом мастерской он казался диким медведем, который случайно забрёл в человеческое жилище.

— Синтез не ждёт, — коротко бросил Нейт, даже не повернув головы. — Если я не завершу стабилизацию белка сейчас, завтра нам будет нечего предложить клиентам.

— Предложить? — Ян тяжело опустился на перевёрнутый пластиковый ящик, скептически глядя на работу напарника. — Ты уже третий месяц собираешь этот антидот. Вот только отдаёшь его единицам и за бесценок. Для кого ты его бережёшь, а?

Нейт промолчал, сосредоточенно щёлкнув тумблером охлаждения на реакторе. По правде говоря, он и сам не знал ответа на этот вопрос.

Там, далеко внизу под их настилом, постепенно просыпался огромный, бурлящий «Улей». Доносились обрывки криков, резкий скрежет открывающихся железных ставней, привычная ругань первых торговцев.

А здесь, на верхнем ярусе мастерской, царило странное уединение. И в этой тишине Нейт вдруг снова отчётливо

вспомнил её. Одинокую фигуру на безупречно белой площади Верхнего города.

Он не понимал, почему эта девчонка зацепила его так сильно, въевшись в память с первого взгляда. Может быть, потому, что в её отчаянных движениях он разглядел отражение самого себя. А может, потому, что слишком хорошо знал, что именно система делает с теми, кто не находит в себе сил сбежать.

— Я видел её, — внезапно нарушил молчание Нейт, и Ян удивлённо вскинул густую бровь. — Сестру Марка. Там, наверху.

— И что с того?

— Она на грани, Ян. Ей осталось совсем немного. Ещё неделя-другая, и сеть сожрёт её с потрохами, превратив в очередную послушную куклу категории «Б».

Ян долго и тяжело молчал, вслушиваясь в гул за стеной, а затем глухо хмыкнул:

— И что теперь? Решил примерить на себя роль благородного спасителя?

— Нет, — жёстко отрезал Нейт, наконец отключая питание прибора и выпрямляя затёкшую спину. — Я просто не хочу, чтобы она закончила так же глупо и страшно, как Марк.

Он взял со стола защитный металлический кейс и принялся аккуратно, одну за другой, укладывать герметичные стеклянные ампулы с прозрачной «Искрой» в мягкие поролоновые пазы.

— Если она всё-таки найдёт дорогу сюда и придёт ко мне, — тихо добавил Нейт, и в его голосе прорезалась странная, пугающе мрачная уверенность. — Я дам ей то, что она ищет. Введу этот состав и позволю снова почувствовать себя живой. Но только в том случае, если она окажется готова заплатить полную цену.

— Какую ещё цену? У неё же ничего нет, — нахмурился Ян.

Нейт с глухим щелчком захлопнул замки кейса и посмотрел на тёмный, ничем не защищённый проём двери, за которым шумел и задыхался «Улей».

— Правду, — ответил он. — Только чистую правду.

Глава 5. Рынок разбитых чувств

«Когда-то я думал, что свобода — это отсутствие боли. Теперь я знаю: свобода — это выбор, какую боль терпеть. У тех, внизу, этот выбор есть. У нас, наверху, — нет. Мы давно выбрали за них, а заодно — и за себя. Я не уверен, что кто-то из нас это заметил»
— Черновик, не отправленный никому

Нижний город пах совсем по-другому. Здесь не было и следа от стерильности Верхнего Анимуса, выжженной антисептиками. Воздух Нижних уровней казался тяжелым, липким, почти осязаемым — он состоял из сырости коллекторов, едкого дыма дешевого синтетического топлива и прогорклого подгоревшего масла, на котором в уличных жаровнях жарили суррогатное мясо.

Окна-экраны на фасадах полуразрушенных, покрытых потеками мазута многоэтажек давно перегорели. Никаких графиков продуктивности или благостных лиц ИИ — старые матрицы теперь выдавали лишь рваные полосы неонового шума: грязно-розового, едкого ядовито-зеленого и мертвого синего. Этот свет дрожал на лужах технической воды, разбивая темноту на уродливые осколки.

Кира глубже натянула капюшон куртки, стараясь не смотреть по сторонам. Ее левое запястье неприятно пекло. Ей

пришлось экранировать браслет «Гармонии» тремя слоями плотной черной ферроленты, и теперь скрытые иглы, потеряв связь с городскими вышками-ретрансляторами, в автономном режиме выдавали короткие, злые электрические импульсы.

Прибор глухо, прерывисто вибрировал, словно ослепший, пойманный в кулак шмель, но Кира терпела эту тупую боль. Без изоляции ее паника уже горела бы багровым на всех радарах Касты Порядка.

Девушка спустилась по скользким от конденсата металлическим ступеням в «Улей» — огромный подземный сектор, который в эпоху строительства Анимуса служил транспортным депо поездов на магнитной подушке, а теперь превратился в стихийный, круглосуточный ночной рынок трущоб.

Вокруг копошились сотни людей, и это зрелище завораживало Киру своим уродством. Здесь никто не улыбался протокольными улыбками.

Прохожие толкались, хмуро курили, пряча лица в потрепанных воротниках кустарных бомберов, громко и зло ругались у прилавков, где продавали подержанную, перепаянную электронику и ворованные аккумуляторы.

Это место пугало Киру своей хаотичностью, диким, непредсказуемым ритмом, но одновременно от этой грязи веяло странной, полузабытой избыточностью настоящей жизни. Люди здесь злились, боялись, ненавидели — и делали это сами, без оглядки на индекс стабильности.

— Эй, красавица, ищешь чего? Задержись, не пожалеешь, — хриплый, каркающий голос заставил её вздрогнуть.

Грязный старик с грубым механическим протезом вместо правой руки, который со скрежетом и шипением гидравлики дергался при каждом движении, преградил ей дорогу. Он протягивал Кире связку блеклых пластиковых карточек, покрытых царапинами.

— Память старого мира, девочка. Недорого. Настоящие чипы памяти до Великой Калибровки. Записи до того, как они воткнули в вас эти серебряные ошейники. Здесь настоящие слезы, настоящая, чистая злость. Почувствуй себя живой, пока мозги окончательно не высохли. Купи, а?

Кира судорожно покачала головой, отшатнулась от старика и ускорила шаг, почти переходя на бег. Она пробивалась сквозь плотную, пахнущую дешевым табаком толпу к дальнему углу депо. Там, под ржавой вентиляционной трубой, над тяжелой железной дверью шлюза мигала самодельная вывеска с мертвой, наполовину перегоревшей неоновой буквой «Ц».

Ей нужен был «Сбой». Человек, о котором Марк однажды вскользь упомянул в своей старой тетради, незадолго до того, как его увезли. Он назвал его единственным в Анимусе, кто умеет «возвращать зрение».

Она навалилась плечом на тяжелую створку, и дверь со скрежетом поддалась. Кира очутилась в полумраке огромного помещения, заставленного стеллажами с полуразобран-

ными поисковыми дронами, вскрытыми серверными блоками и переплетенными кабелями, которые свисали с потолка, похожие на мертвых змей.

В воздухе густо пахло канифолью, едким дымом паяльника и холодным, застоявшимся металлом.

В углу, подсвеченный тусклым, направленным светом паяльной лампы, спиной к ней сидел парень. На нем была потертая, местами прожженная кожаная куртка, а на шее висели старые громоздкие амбушюрные наушники, из которых едва слышно пробивался грязный, рваный гитарный перегруз.

— Закрыто, — не оборачиваясь и не снимая наушников, бросил он. Его голос был низким, с легкой хрипотцой и полным, абсолютным отсутствием интереса к посетителю. — Прием лома и горелых плат по вторникам. Выметайся.

— Мне не нужен лом, — Кира сделала два решительных шага вперед, сбрасывая капюшон. Ее голос слегка дрожал, но она упрямо сжала кулаки. — Мне нужен Нейт.

Парень резко отложил паяльник. Металл со звоном опустился на верстак, заставив вздрогнуть россыпь мелких шестеренок. Он медленно повернулся на крутящемся стуле, и Кира невольно замерла, с трудом сдержав вздох.

За счет своего роста и натренированности мышц он выглядел старше своих девятнадцати лет. Суровые черты лица, короткие растрепанные темные волосы и глаза — неестественно светлые, цепкие, пугающе осмысленные. В них не

было той прозрачной, мутной пустоты, которая теперь так пугала Киру в её родном брате. В этих глазах горел опасный, живой огонь.

Нейт окинул Киру быстрым, сканирующим и оценивающим взглядом. Задержался на её чистой, дорогой обуви Верхнего города, на безупречном крое куртки из нео-льна, а затем перевел тяжелый взгляд на запястье, изуродованное наспех намотанной плотной лентой на полимерной основе. На его губах появилась горькая, почти издевательская усмешка.

— Беглая птичка из Верхних садов, — негромко, с растяжкой произнес он, медленно поднимаясь во весь рост. — Вы, чистые, обычно не спускаетесь в наше дерьмо, пока вас самих припекать не начнет. Ну и что случилось? Браслет замигал не тем цветом, папочка с мамочкой вызвали службу очистки, и ты решила поиграть в беглянку?

— Мне нужна «Искра», — твердо сказала Кира, проигнорировав его тон и издевательский взгляд. Она сильнее сжала кулаки в карманах куртки, чтобы скрыть нарастающую дрожь в пальцах.

Нейт резко перестал улыбаться. Вся его напускная вальяжность исчезла в одно мгновение. Он сделал два быстрых, бесшумных шага, сокращая расстояние между ними так стремительно, что Кира инстинктивно захотела отступить, но сдержалась. Теперь она чувствовала запах его куртки — канифоль, железо и горький табак.

— Уходи отсюда, — тихо, но жестко, с угрозой произнес он, глядя на нее сверху вниз. — Я не продаю эмпатический синтетик богатеньким дурам, которым стало скучно жить в их стерильном, прилизанном раю. Иди домой, сними блокиратор, прими седативное, которое тебе пропишет «Домус», и навсегда забудь сюда дорогу. Пока я сам не сдал тебя патрулю за бродяжничество.

— Моего брата зовут Марк, — Кира не отступила ни на сантиметр, хотя ее сердце бешено, рвано колотилось прямо в горле. — Марк Рихтер. Год назад он ходил сюда к тебе. Я знаю. Он писал в своей тетради о парне, который умеет варить «Искру». И которому можно доверять.

Нейт замер. Светлые глаза сузились, в них на долю секунды промелькнуло что-то похожее на глухую, застарелую боль, но он тут же взял себя в руки, пряча эмоции за привычной маской жесткого цинизма.

— Марк был умным парнем, — медленно, подбирая слова, произнес Нейт. — Но он совершил ошибку. Попался. Теперь он один из ваших «чистых». У него всё хорошо. Индекс стабильности в норме, улыбается небось каждые пять минут. Система его вылечила.

— У него всё ужасно! — голос Киры сорвался, и под слоями изоленты браслет снова глухо, предупреждающе заколотился о кожу, пуская электрический ток. — Он не живет, Нейт! Его там нет! Это просто пустая, выпотрошенная оболочка с его лицом! Он ходит, говорит формулами, но внутри

него — мертвая пустота!

Девушка резко полезла во внутренний карман куртки и достала старый, тяжелый жетон из темного гравированного металла — Марк носил его как талисман на цепочке, пока его не забрали в Центр Коррекции. Она протянула его Нейту на открытой ладони.

Нейт посмотрел на жетон. Его пальцы, испачканные в канифоли, едва заметно дрогнули. Он не взял вещь, но поднял глаза на Киру, и его взгляд стал совсем другим — тяжелым, изучающим, пронзительным.

— «Искра» не лечит, птичка, — гораздо тише сказал он, и в его низком голосе впервые проступила странная, усталая и мрачная мягкость. — Она дает всего десять минут. Десять минут ада, когда к ним возвращается всё, что ваша любимая система выжгла под корень. Весь страх, вся боль, вся память. Они кричат, Кира. Они сходят с ума от шока. Ты уверена, что готова это увидеть? Ты уверена, что твоя хрупкая психика выдержит этот зрелище?

— Уверена, — Кира с трудом сглотнула тяжелый, сухой комок в горле. — Я хочу вернуть его. Хотя бы на десять минут. Чтобы услышать его настоящий голос. Пожалуйста.

Нейт долго молчал, вслушиваясь в далекий, приглушенный стенами гул подземного рынка за дверью шлюза. Затем он резко повернулся к верстаку, открыл нижний ящик, запертый на старый, громоздкий механический замок, и достал небольшую стеклянную ампулу. Внутри нее лениво пе-

реливалась и мерцала густая серая жидкость, похожая на жидкое серебро.

— Ладно, — тихо сказал он, оборачиваясь к ней и пряча ампулу в металлический футляр. — Но одна ты к нему в Верхний город не пойдешь. С твоими задрожавшими руками ты вколешь препарат не в ту артерию, и твой братец просто загнется от остановки сердца. Я пойду с тобой. Но учти, беглая: если нас поймают инспекторы… пеняй на себя. Из Центра Коррекции я тебя вытаскивать не стану.

Глава 6. Десять минут правды

«Система просит меня называть это «терапией». И иногда я ловлю себя на мысли, что не помню, что оно значило изначально. Сеть говорит: «Не важно. Важна функция». Наверное, она права. Она всегда права. Мне всё труднее вспомнить, когда я спорил с ней в последний раз»
— Служебная пометка на полях отчёта

Возвращение в Верхний город вдвоём с Нейтом казалось чистым, абсолютным безумием. Но оставаться в душных недрах «Улья» и покорно ждать, пока система окончательно затянет петлю на их шеях, было решением ещё более самоубийственным.

В тесной подсобке мастерской, насквозь пропитавшейся запахами канифоли и остывшего металла, Нейт быстрым движением сбросил с плеч потрёпанный, пахнущий уличной пылью бомбер.

Кира неподвижно стояла в дверном проёме, прислонившись плечом к холодному бетону стены, и молча наблюдала за его метаморфозой.

Из обшарпанного нижнего ящика верстака он достал строгий тёмно-серый костюм из нео-льна — тот самый, в котором когда-то, в прошлой жизни, привычно сливался со стерильной толпой. Ткань оказалась безупречно выглажен-

ной, без единой лишней складки.

Нейт хранил эти вещи все годы своего добровольного изгнания как немое, осязаемое напоминание о мире, из которого он так отчаянно бежал.

Натягивая пиджак, он словно менялся на глазах, сбрасывая привычную кожу. Его резкие, словно высеченные из камня скулы и короткие тёмные волосы, которые он привычным, отточенным жестом зачесал назад, мгновенно переняли ту самую маску ледяной, вежливой отстранённости.

Плечи распрямились, осанка стала безупречно прямой. От прежнего дикого, яростного парня из трущоб за считаные секунды не осталось и следа. Сейчас перед Кирой стоял эталонный, идеальный гражданин Верхнего Анимуса, и от этого разительного контраста ей сделалось искренне не по себе.

Сама Кира предпочла остаться в своей привычной одежде — тёмной куртке и простых джинсах. На фоне безупречных улиц мегаполиса такой силуэт создавал иллюзию обычной студентки, возвращающейся с затянувшейся прогулки. Это неброское сходство было её единственной защитой.

Нейт подошёл к верстаку и извлёк из потайного отделения тонкий серебристый ободок — визуально безупречную копию стандартного браслета «Гармонии». Вот только в нём не было ни инъекционных игл, ни обратной связи с Сетью.

— Что это? — тихо спросила Кира, заворожённо глядя на тусклый блеск металла.

— Обманка, — коротко отозвался он, с глухим щелч-

ком застёгивая прибор на своём запястье. — Лили собирала этот прототип три ночи напролёт. Внутри вшит микрочип, непрерывно транслирующий поддельный эмпатический сигнал. Для любых внешних сканеров я сейчас — образцовый обыватель с абсолютно зелёным индексом покоя.

— А если система решит углубиться в базу и пробить профиль? — Кира взглядом указала на ободок.

— Не пробьёт, — Нейт коротко усмехнулся, но в его глазах не было и капли веселья. — Лили знает своё дело лучше министерских инженеров. Сейчас главное — чтобы ты случайно не сдвинула изоляционную ленту со своего браслета. Стоит твоему датчику издать хотя бы один писк на чистоте сети, и нас обоих примут прямо на платформе.

Кира невольно прижала ладонь к левому запястью, где под плотными слоями чёрной ленты глухо и едва ощутимо вибрировал её собственный, заблокированный прибор.

— В салон электробуса заходим вместе, — скомандовал Нейт, мимолётным движением поправляя воротник пиджака. — Держись чуть впереди. Если на входе что-то пойдёт не так, не вздумай оборачиваться или кричать. Просто иди дальше.

В салон «Линии-4» они поднялись единым потоком. Кира двигалась первой, изо всех сил стараясь дышать ровно и размеренно. Нейт неотступно следовал за ней, слегка опустив голову и мастерски растворяясь среди зашедших пассажиров.

Сканеры на поручнях лениво мигнули, без задержки считали фальшивый зелёный код с его запястья и беспрепятственно пропустили их внутрь.

Внутри просторного салона царила мёртвая, гнетущая тишина, нарушаемая лишь едва слышным, ровным шорохом магнитных шин о дорожное полотно. Пассажиры сидели неподвижными рядами, беззвучно уставившись в сияющие экраны персональных терминалов, а их застывшие лица озарялись холодным синеватым светом.

Они молча заняли места на самом заднем ряду. Кира вплотную прижалась виском к прохладному стеклу окна, чувствуя, как под курткой по спине медленно катится ледяная капля пота. Нейт сидел по правую руку от неё — идеально прямой, замерший, с абсолютно ничего не выражающей маской на лице.

— Долго ещё? — едва слышно, почти не разжимая губ, процедил он сквозь зубы.

— Двадцать минут, — столь же тихо отозвалась Кира, не отрывая взгляда от проплывающего мимо глянцевого пейзажа. — Умоляю, постарайся не разглядывать людей. И не пытайся никого убить своим взглядом.

Нейт глухо хмыкнул, но развивать спор не стал. Он продолжал смотреть строго перед собой, и в его светлых глазах застыла та самая ледяная, злая пустота, которая всегда так пугала Киру в трущобах.

Электробус плавно затормозил точно по графику, в двух

кварталах от её родного дома. Стоило им сойти на тротуар, как Кира почувствовала, как давящее напряжение в груди наконец немного отпускает. Первую линию обороны они преодолели. Они прошли.

— Быстрее, идем, — шёпотом скомандовала она, увлекая Нейта за собой в густую, плотную тень раскидистой искусственной туи, огораживающей тихий жилой квартал.

В этом секторе «А-12» умные уличные фонари еще не успели заменить на новые модели с датчиками мгновенного сканирования сетчатки, и в наступающих сумерках можно было скользить вдоль стен незамеченными.

— Твои родители дома? — негромко, едва шевеля губами, спросил Нейт.

Они нырнули в плотную тень высокой изгороди из искусственной туи, которая огораживала жилой квартал.

— Нет, у них сегодня ежемесячный аудит продуктивности в центральном архитектурном офисе, — Кира приложила ладонь к гладкой сенсорной панели на калитке.

Замок тихо, маслянисто щелкнул, пропуская их во внутренний двор, пахнущий идеально подстриженным газоном, влажной хвоей и всё тем же антисептиком.

— Родители вернутся только к вечеру. А Марк всегда дома по субботам. У него период принудительного ментального отдыха после лицейских лекций. Система требует, чтобы он просто сидел и разгружал мозг.

Внутри дома царила та самая давящая, звенящая тишина,

от которой у Киры в последние месяцы закладывало уши. Стерильный, мертвый покой.

Они бесшумно вошли в прихожую. Нейт с мрачным любопытством огляделся по сторонам, скользнув цепким взглядом светлых глаз по белым матовым стенам без единой семейной фотографии, по идеальному, геометрическому порядку, где каждая вещь лежала строго под прямым углом к соседней. Здесь не было места случайности. Не было места жизни.

— Стерильненько, — едва слышно прошептал он, и на его губах снова появилась горькая усмешка. — Как в операционной перед вскрытием.

— Идем, — Кира судорожно потянула его за рукав к лестнице, ведущей на второй этаж.

Дверь в комнату Марка была приоткрыта. Брат сидел за своим аккуратным рабочим столом. Перед ним в воздухе светилась и мягко мерцала полупрозрачная голограмма учебника по макроэкономике. Но он не читал. Его взгляд был направлен сквозь синие строчки кода в одну точку окна.

Марк методично, плавно постукивал указательным пальцем по краю стола. Раз. Два. Три. С абсолютно равными, выверенными секундомером интервалами.

— Марк? — тихо, сдерживая дыхание, позвала Кира.

Брат плавно повернул голову. Его лицо мгновенно озарила та самая безупречная, мягкая, пустая улыбка «категории Б», от которой Киру бросило в холодный пот. В этом выра-

жении лица не было радости — только выполненный протокол приветствия.

— Привет, Кира. Ты вернулась раньше своего стандартного графика на сорок две минуты. У тебя всё в порядке? — Его голос был ровным, без единой интонационной вершины.

Взгляд Марка переместился на Нейта, и улыбка ни на миллиметр не изменилась.

— Здравствуй, гражданин. Я не помню твоего цифрового профиля в нашей семейной базе данных эмпатической совместимости.

Нейт ничего не ответил. Он молча, тяжелым шагом зашел в комнату, на ходу доставая из внутреннего кармана пиджака небольшой металлический футляр.

Кира аккуратно прикрыла дверь и заперла ее на ручную механическую защелку — единственную деталь в этом доме, которую отец установил вручную, и которая не была подключена к общей сети «Домуса».

— Марк, помнишь Нейта? Вы… вы работали вместе над музыкальным проектом. До твоей поездки в Центр, — Кира подошла ближе, заглядывая в эти стеклянные, абсолютно безжизненные глаза, в которых отражались синие буквы голограммы.

— В моих логах памяти зафиксированы кратковременные посещения Нижнего уровня, — ровно ответил Марк, даже не моргнув. — Но эти воспоминания классифицированы системой как неэффективные, хаотичные и деструктивные для

ментального здоровья. Я не обращаюсь к этим секторам. Это помогает мне поддерживать индекс стабильности в зеленой зоне.

Нейт уже открыл металлический футляр. В его руках тускло блеснул инжектор — короткая трубка из медицинского титанового сплава. Точным движением он вставил внутрь стеклянную ампулу, в которой лениво зашевелилась мерцающая серая жидкость.

— Держи его за левую руку, — коротко, отрывисто бросил Нейт.

Вся его вальяжность полностью спала, голос стал профессионально-холодным и собранным.

— Если начнется судорога, держи крепко, наваливайся всем телом. Главное — не дать ему разбить браслет о край стола. Если корпус треснет, пойдет автоматический сигнал тревоги на вышки Порядка.

Кира судорожно сглотнула и перехватила руку брата. Кожа Марка была прохладной, сухой, совершенно безжизненной. Он не сопротивлялся, не задавал вопросов, не пытался вырваться, потому что в его откорректированном мире просто не существовало понятия опасности, страха или самообороны.

Брат послушно, с той же вежливой улыбкой позволил Нейту прижать инжектор к шее, прямо над воротником серой туники, туда, где под кожей угадывалась сонная артерия.

Раздался тихий, свистящий, резкий хлопок пневмоудара.

Первые три секунды ничего не происходило. Марк всё так же сидел, улыбаясь пустой улыбкой перед синей голограммой. А затем его зрачки резко, почти на всю радужку, расширились, поглотив светлые искры глаз.

Улыбка сошла с его лица так стремительно, словно её соскребли острым ножом. Вся его фигура мгновенно натянулась, как струна, мышцы одеревенели. Пальцы судорожно скрючились, с хрустом вонзаясь в белый пластик столешницы. Из горла вырвался страшный, хриплый, клокочущий звук — сухой всхлип человека, который слишком долго, месяцами, не мог сделать вдох.

— Марк! — вскрикнула Кира, наваливаясь на его плечо и прижимая его руку к столу.

На ее собственном запястье браслет заколотился с удвоенной силой, обжигая кожу током, но Кире было абсолютно плевать на эту боль.

Лицо брата исказилось от такой концентрированной, дикой, первобытной боли, какой Кира не видела никогда в жизни. На лбу мгновенно выступили крупные капли пота, вены на шее вздулись, став темно-синими. Он зажмурился, а когда снова открыл глаза, из них хлынули слезы. Но это были другие глаза. Живые. Наполненные звенящим, глубоким человеческим ужасом.

— Кира… — Голос Марка изменился до неузнаваемости. Он стал сорванным, сиплым, лишенным той аккуратной, выверенной лицейской дикции. — Кира, о боже… Кира… Тор-

мози её… тормози…

Он схватил её за руку с такой силой, что у Киры хрустнули суставы пальцев. Его била крупная, непрекращающаяся дрожь, зубы звонко стучали.

— Я здесь, Марк, я здесь! Я с тобой! Что с тобой сделали? — Кира плакала, свободной рукой вытирая горячие слезы с его щек.

Нейт стоял рядом, скрестив руки на груди. Он не отводил взгляда от светящегося экрана своего наручного терминала, где шел обратный отсчет.

— Семь минут осталось, — глухо, мрачно произнес он. — Спрашивай его быстрее. Скоро препарат начнет распадаться, и начнется откат.

Марк судорожно хватал ртом воздух, переводя безумный, дикий взгляд с Киры на Нейта. Было видно, как тяжело ему дается каждое слово, словно он продирался сквозь толщу застывающего бетона, который сковал его мозг.

— Они… они ничего не стирают, Кира… — выдохнул брат, и его ногти до крови процарапали кожу её ладони. — Этот Центр Коррекции… это не лечение. Они не убирают плохие мысли или страх, а просто строят стену. Огромную, глухую, непреодолимую стену внутри твоего собственного сознания!

Парень зашелся в сухом, удушливом кашле, его голова дернулась назад, но он пересилил спазм, сжимая челюсти.

— Я всё чувствую, Кира! Всё это время… весь этот про-

клятый год! Я сижу там, в темноте, внутри собственного тела, как в железном, заколоченном гробу! Я вижу, как улыбаюсь маме. Слышу, какую чушь говорю отцу про графики продуктивности. Но я не могу пошевелить ни одним пальцем сам! Я заперт! Мы все там заперты… Лиза… она слишком нестабильна! Они запрут её тоже… Она будет кричать внутри себя, а снаружи — улыбаться…

— О боже, — Кира в ужасе прижала ладонь к губам, чувствуя, как весь её привычный мир начинает с грохотом рушиться. — Марк, как это убрать? Как сломать эту стену? Скажи мне!

— Сеть… система «Эмпат»… — Марк начал говорить быстрее, захлебываясь словами.

Его взгляд уже терял четкость фокуса, светлые искры в зрачках начали блекнуть, уступая место привычной, гладкой мути.

— Стену внутри нас держит постоянный, непрерывный сигнал… от центрального ядра Цитадели. Пока ядро работает, мы не можем пробиться… мы просто зрители собственного ада… Кира, помоги мне… Не оставляй меня там… Снова в эту темноту… нет, пожалуйста, Кира, не надо!..

Его пальцы, только что сжимавшие её руку до хруста, начали стремительно слабеть. Напряжение в мышцах исчезло так же внезапно, как и появилось. Дрожь утихла.

Марк сделал один глубокий, судорожный вздох, закрыл глаза на секунду, а когда открыл их — на его лице снова,

словно по щелчку невидимого тумблера, появилась ровная, мягкая, вежливая улыбка.

— Мой когнитивный контур зафиксировал кратковременный спазм сосудов, — спокойно, аккуратным лицейским тоном произнес он, высвобождая свою ладонь из пальцев Киры. — Сейчас всё пришло в норму. Вам не стоит беспокоиться, граждане. Кира, твой уровень стресса, судя по частоте дыхания, повышен. Рекомендую сделать дыхательную гимнастику по протоколу.

Кира сделала три шага назад, едва не упав на кровать. Ее трясло так, что она не могла стоять. Она смотрела на брата, который уже снова повернулся к голограмме макроэкономики и методично стучал пальцем по столу. Раз. Два. Три.

Нейт аккуратно, но крепко взял её за локоть и потянул к выходу из комнаты.

— Уходим, птичка, — тихо, но жестко сказал он, пряча пустой инжектор в карман. — Время вышло. Если мы останемся здесь еще на минуту, ядовито-желтый свет от твоего браслета увидят даже из окон соседнего дома. Теперь ты знаешь правду. И с этой правдой нам нужно что-то делать.

Глава 7. Охота на ведьм

«Мне докладывают о «девиантах». Я подписываю. Рука привыкла. Это началось давно — ещё до того, как я научился замечать, что подписываю. Однажды я поймал себя на том, что не читаю бумаги, а просто провожу пальцем там, где подсвечивает система. Мне стало смешно. Потом — нет»

— Из дневника Т. Лока

Ноги плохо слушались Киру, когда они спускались по узкой винтовой лестнице дома. Ступени казались резиновыми, ускользающими из-под подошв. В ушах всё еще звенел сорванный, хриплый, по-настоящему живой голос Марка: «*Мы просто зрители собственного ада… не оставляй меня там в темноте*».

Весь этот безупречный мир Верхнего Анимуса, который еще утром казался просто холодным, строгим и излишне регламентированным, теперь выглядел как гигантская братская могила.

Могила, где мертвецы ходили по чистым улицам, вежливо улыбались друг другу и обсуждали графики продуктивности, пока их истинные «я» кричали от ужаса за глухими стенами заблокированного сознания.

— Эй, соберись, птичка. Живее, — Нейт жестко перехва-

тил её за плечо прямо у тяжелой входной двери, заставляя остановиться и прийти в себя. Его пальцы больно впились в ткань куртки из нео-льна. — Прижми левую руку к телу. Сильнее. И дыши глубже. Твой датчик сейчас просто прожжет даже ферроленту насквозь.

Кира опустила затуманенный взгляд на свое запястье. Сквозь черные слои плотной пластиковой ленты пробивалось ядовитое, прерывистое, багровое свечение.

Прибор больше не фиксировал рядовой стресс, а сигнализировал системе о пограничном ментальном взрыве, о критической дестабилизации контура. Ободок «Гармонии» вибрировал так яростно и часто, что кости руки неприятно, тупо ныли, а под кожу начали проникать первые болезненные уколы диагностических игл.

— Я… я в порядке, — соврала девушка, но голос предательски сорвался, превратившись в сиплый выдох.

— Вижу я, какой у тебя порядок, — хмуро бросил Нейт, аккуратно, на несколько миллиметров приоткрывая тяжелую створку двери наружу. — Нам нужно дойти до технического коллектора за углом жилого блока. Буквально пятьдесят метров. Если нас засечет патрульный дрон площади, прыгать придется очень быстро. Набрось капюшон.

Они вышли на аккуратную дорожку из прессованной белой крошки. Вокруг царила мертвая, предвечерняя тишина. Солнце уже клонилось к горизонту, окрашивая зеркальные верхушки высоток Верхнего города в холодный, едкий ян-

тарный цвет.

На идеальных газонах с тихим шипением включились автоматические поливалки, распыляя мелкодисперсную воду, пахнущую все тем же вездесущим, стерильным дезинфектором.

Они успели дойти до угла жилого блока «А-12», когда тишину пустой улицы разрезал резкий, сухой, металлический свист.

Сверху, прямо над их головами, стремительно пикируя со стороны крыши, зависла белая глянцевая сфера. Сканирующий луч дрона-инспектора — ярко-синий, слепящий, бьющий по глазам — полоснул по лицу Киры, заставив её зажмуриться, а затем мгновенно переместился на её левое запястье, пробивая черные слои ленты.

— Внимание, — раздался из скрытого динамика сферы механический, абсолютно лишенный интонаций голос. — Зафиксировано искусственное экранирование датчика «Гармонии». Гражданка Кира Рихтер, ваш индивидуальный индекс стабильности недоступен для общей сети сектора. Нарушение протокола общественной безопасности. Оставайтесь на месте до прибытия группы эмоционального контроля.

— Бежим! — Нейт рванул Киру за рукав с такой силой, что она едва не полетела лицом на плитку дорожки.

В ту же секунду сзади, со стороны центрального проспекта, послышался нарастающий, тяжелый гул мощного двигателя. Санитарные инспекторы Касты Порядка реагировали

мгновенно — их системы перехвата работали без задержек.

Они неслись по стерильному, бесконечному переулку между одинаковыми белыми заборами жилых ячеек. Кира задыхалась, легкие обжигал холодный воздух, а под ферролентой на руке началось резкое, невыносимое покалывание.

Браслет, распознав попытку бегства и критический уровень адреналина, перешел в режим принудительного усыпления. Капсула внутри прибора открылась, пытаясь впрыснуть через диагностические иглы прямо в кровь дозу мощного химического транквилизатора.

— Нейт… рука… — выдохнула она на бегу, чувствуя, как левую сторону тела, начиная от плеча, стремительно охватывает тяжелая, свинцовая, липкая слабость. Ноги начали заплетаться. — Он колет меня… я засыпаю… сознание уходит…

— Держись, черт тебя дери! Только не вздумай отключаться! Если упадешь — нам обоим конец! — Нейт на ходу, не сбавляя скорости, выдернул из кармана куртки складной нож с длинным узким лезвием.

Они резко свернули в технический тупик, где между глухими стенами двух зданий находился тяжелый круглый люк с маркировкой городского водоканала.

Нейт на секунду остановился, навалился спиной на стену, перехватил обмякшую руку Киры и, не церемонясь, с силой вонзил лезвие ножа под плотные жесткие слои ферроленты.

Металл со зловещим скрежетом звякнул об ободок брас-

лета. Кира вскрикнула от резкой боли — лезвие оцарапало кожу. Одним точным, яростным, рывковым движением Нейт поддел серебристый пластик корпуса.

Раздался резкий треск ломающихся плат, из-под изоленты брызнули мелкие синие искры, и сломанный, ослепший прибор полетел в кусты декоративного кустарника.

Свинцовая слабость в теле Киры перестала нарастать, химический клапан был уничтожен, но голова всё еще страшно кружилась, а перед глазами плыли серые пятна.

Из-за угла переулка уже вылетели трое мужчин в тяжелых белых защитных костюмах и шлемах с глухими темными забралами. В руках у них были длинные направленные шоковые парализаторы, на наконечниках которых трещали электрические разряды.

— Стоять! Всем оставаться на местах! — эхом разнеслось между высокими стенами тупика.

Нейт упал на колени перед ржавым люком, вставил прочное лезвие ножа в узкий паз механического замка и с глухим, яростным рыком рванул тяжелую крышку на себя. Металл скрежетнул, неохотно поддаваясь. Из открывшейся темноты колодца пахнуло густой сыростью, плесенью и ржавчиной.

— Прыгай! — рявкнул парень, хватая Киру за пояс.

Она даже не успела испугаться. Нейт практически силой столкнул её вниз, в черное, пугающее жерло колодца, и прыгнул следом, на лету с грохотом притягивая за собой тяжелую крышку люка обратно на место.

Кира полетела спиной вниз в абсолютную темноту, инстинктивно приготовившись к ломающему кости удару о бетонное основание, но упала на что-то относительно мягкое и скользкое — огромную гору старых пластиковых кабелей и слежавшегося технического мусора, который годами сбрасывали сюда ремонтники.

Спустя мгновение сверху на нее со сдавленным ругательством свалился Нейт, сильно прижав её своим телом к полу и гася инерцию падения.

Прямо над их головами, с обратной стороны железной крышки люка, раздался тяжелый, металлический топот магнитных берцев инспекторов Порядка. Затем послышался характерный писк портативного сканера частот. Они были всего в полуметре над ними.

— Чисто, — приглушенно, сквозь толщу металла донесся механический голос сверху. — Прибор нарушителя уничтожен. Сигнал полностью потерян в секторе водоотведения. Вызывайте санитарную зачистку подземных коммуникаций. Здесь глухая зона.

Нейт замер, почти не дыша, боясь издать малейший звук. Его лицо находилось в нескольких сантиметрах от лица Киры, и в кромешной, плотной темноте коллектора она могла различить лишь тусклый, едва заметный отблеск его неестественно светлых глаз.

Он плотно прижал свою горячую ладонь к ее губам, беззвучно призывая к абсолютной тишине. Они лежали так

несколько долгих, невыносимых минут, пока тяжелые шаги наверху окончательно не стихли в отдалении.

Только тогда Нейт медленно, со свистом выдохнул и скатился с нее на сырой, холодный бетонный пол коллектора. Где-то неподалеку в темноте монотонно, гулко и ритмично капала вода.

— Ну вот и всё, птичка, — тихо, с горькой, усталой усмешкой произнес он, доставая из кармана маленький светодиодный фонарик и включая его.

Узкий луч выхватил из темноты грязные бетонные стены, покрытые склизким налетом, ржавую арматуру и бесконечные ряды старых труб.

— Твой зеленый огонек официально погас навсегда. Обратной дороги в твою чистую, теплую спальню больше нет. Добро пожаловать на изнанку Анимуса.

Кира медленно села, потирая освобожденное от прибора, но сильно покрасневшее, оцарапанное запястье. Кожу всё еще пекло и жгло от игл. Она посмотрела вверх, на закрытый люк, за которым осталась её прошлая, предсказуемая жизнь, её родители и Марк, запертый в собственном теле.

Страха внутри почему-то больше не было. Весь он сгорел во время бега. На его месте осталась лишь холодная, тяжелая пустота, которая постепенно заполнялась твердой, как сталь, решимостью.

— Мне и не нужна обратная дорога, — тихо, но совершенно твердо сказала девушка, поднимая глаза на Нейта. —

Веди меня туда, где вы прячетесь.

Глава 8. Убежище «Сбой»

«Я построил город, в котором никто не остаётся один. Ирония в том, что я одинок сильнее всех. Но я не жалуюсь. Жалоба — это эмоция, а я давно разучился их распознавать. Во всяком случае, так мне сказали. Я не помню, чтобы проверял сам»
— Запись, сделанная ночью, когда он не мог уснуть

Они шли по заброшенным техническим коллекторам больше часа, и этот путь показался Кире бесконечным спуском в преисподнюю.

Узкий, прерывистый луч фонарика в руке Нейта выхватывал из сплошной тьмы то скользкие, покрытые черным налетом бетонные выступы, то грозди ржавой арматуры, похожие на вылезшие из стен ребра огромного ископаемого чудовища.

Ледяная техническая вода здесь доходила до щиколоток. Кира уже давно перестала чувствовать пальцы ног от онемения, а сырость, казалось, пропитала ее куртку до самых костей. Но она упорно, сцепив зубы, шла следом, ориентируясь лишь на широкую спину Нейта и глухой, мерный стук его ботинок по затопленному бетону.

Наконец бесконечные ряды ржавых труб разошлись в стороны, открывая просторную круглую камеру. Они вышли к высокой металлической лестнице, уходящей куда-то вверх,

в темноту потолка.

Нейт легко, привычным движением взобрался по ней, трижды коротко и сильно ударил кулаком по тяжелому настилу, выждал ровно секунду и всем телом навалился на массивную створку люка, толкая её вверх.

На Киру, едва она поднялась по ступеням, обрушился поток сухого, горячего воздуха. Он был плотным и пах целым букетом незнакомых запахов: машинным маслом, дешевым едким табаком, гарью и подгоревшим жареным суррогатным мясом. Девушка инстинктивно зажмурилась от резкого, бьющего по глазам света люминесцентных ламп.

Это было старое, заброшенное депо поездов на магнитной подушке, расположенное на стыке Нижнего города и внешних промышленных зон Анимуса. Огромный арочный свод из темного гофрированного железа терялся где-то высоко в темноте.

Повсюду, словно гигантские доисторические скелеты вымерших ящеров, стояли полуразобранные, покрытые ржавчиной и граффити вагоны.

Внутри них и прямо на бетонных платформах были обустроены самодельные жилые ячейки: натянуты брезентовые тенты, светились зеленым экраны старых пузатых мониторов, чадили обогреватели, сделанные из железных бочек.

Здесь было невероятно шумно и хаотично. Кто-то громко, до хрипоты спорил над раскрытым капотом дрезины, где-то методично стучал тяжелый молоток по металлу, а из

динамика старого кассетного магнитофона доносился грязный, рваный, хриплый гитарный перегруз — музыка, которую в Верхнем городе признали бы ментальным экстремизмом высшей категории.

— Эй, смотрите, Нейт вернулся! — выкрикнул парень в рваном комбинезоне, спрыгивая с крыши ближайшего вагона. — И притащил с собой… это что, верхняя? Чистая?

Разговоры вокруг начали стремительно стихать, словно волна. Десятки глаз обратились к Кире. Подростки и молодые люди — от четырнадцати до двадцати пяти лет, в грязной, перешитой грубой одежде, с боевым раскрасом из сажи и мазута на лицах — медленно выходили из своих укрытий.

В их взглядах не было и следа от вежливого, протокольного сочувствия Верхнего города. Только острая настороженность, недоверие и глухая, осязаемая враждебность к чужаку из сытого рая.

— Спокойно, Ян, — Нейт устало махнул рукой, проходя вперед по платформе и увлекая Киру за собой, слегка придерживая её за локоть. — Она со мной. Патруль «Эмпата» накрыл её в секторе «А-12». Браслет уничтожен и сброшен в коллекторе. За ней охотятся.

— Она выглядит так, будто сейчас упадет в обморок от одного только запаха наших трущоб, — раздался резкий, язвительный девичий голос из-за угла вагона.

На платформу вышла невысокая худая девушка с короткой асимметричной стрижкой. Одна половина её головы бы-

ла выбрита добела, а на лбу красовались массивные технические очки-лупы с целой системой линз. Ее серый рабочий жилет был буквально утыкан флешками, проводами и переходниками.

— Это Лили, наш главный кошмар для городских серверов и сетевых архивов, — представил её Нейт, останавливаясь у центральной бочки с тлеющим углем. — Лили, это Кира. Сестра Марка Рихтера.

При упоминании имени Марка атмосфера в депо заметно изменилась. Напряжение стало более осязаемым, тяжелым.

Лили нахмурилась, опустила взгляд на покрасневшее, ободранное запястье Киры, где еще остались следы клея от изоленты и мелкие царапины от ножа, и недовольно, громко цыкнула языком.

— Марк был хорошим парнем, отличным технарем. Но его поймали, потому что он был слишком мягким и неосторожным для этого проклятого города, — Лили подошла вплотную, бесцеремонно схватила Киру за руку и грубо осмотрела кожу. — Хм. Чистый срез. Повезло тебе, верхняя. Еще бы пара минут погони, и капсула транквилизатора сработала бы. Мы бы сейчас выковыривали из этих белых глаз остатки ее личности. Ян! Хватит глазеть, тащи сюда сухую куртку, обувку и горячий суп из концентрата. Живее!

Высокий, крепко сбитый и широкоплечий парень, которого Нейт назвал Яном, молча и хмуро кивнул, бросив на Киру пронзительный взгляд, и скрылся в темных недрах од-

ного из вагонов.

Кира обессиленно, чувствуя, как подкашиваются колени, опустилась на перевернутый пластиковый ящик возле теплой бочки. Ее руки все еще мелко дрожали от пережитого страха и холода коллекторов, но тепло от огня постепенно возвращало ей способность связно мыслить.

Девушка смотрела на этих людей вокруг. Они были дикими, резкими, угловатыми, от них веяло опасностью и усталой обреченностью, но они были абсолютно, бесповоротно живыми.

Каждое их движение, каждый злой взгляд, резкое слово или тяжелый вздох были настоящими, не прошедшими цензуру ИИ.

— Что теперь со мной будет? — Кира подняла глаза на Нейта, который стоял чуть поодаль и настраивал какие-то частоты в своем наручном терминале.

— Теперь ты официально никто, птичка, — Нейт сел напротив нее на корточки, протягивая железную кружку с темной, пахнущей горькими травами жидкостью. — Для Верхнего города гражданки Киры Рихтер больше не существует. Завтра утром твоим родителям придет стандартный отчет о твоей «необратимой ментальной деструкции в промышленной зоне». Они поплачут ровно столько минут, сколько им позволит их дневная норма гормонов и протокол браслета, а потом просто забудут тебя. Как забыли про всех нас наши близкие.

Кира сделала большой глоток. Жидкость оказалась горькой, обжигающей горло, но тепло сразу приятной волной разлилось по телу.

— Марк успел сказать мне правду, когда пришел в себя, — тихо, но отчетливо произнесла она, глядя на пляшущие языки пламени в бочке. — Система не стирает их эмоции, а просто строит стену внутри сознания. Они заперты там, внутри собственного тела, как в гробу. Мою подругу Лизу увезли сегодня утром. У меня есть меньше месяца, пока они не выстроили эту стену в ее голове навсегда.

Лили, сидевшая на краю верстака и крутившая в руках длинную отвертку, горько и зло усмехнулась.

— Меньше месяца? Милая моя, если ИИ признал её контур опасным, калибровка займет недели две, не больше. Но пробиться в Цитадель «Эмпата» — это чистое самоубийство. Туда не зайти с улицы, там тройной контур защиты. Даже Нейт со своей «Искрой» может только на время оживить тех, кто уже откалиброван и ходит по улицам, но он не может взломать их центральный шлюз. Это крепость.

— Значит, мы найдем способ пробить эту крепость, — Кира твердо, без колебаний посмотрела на хакершу. — Марк сказал, что всю эту стену внутри откалиброванных держит постоянный сигнал от центрального ядра Цитадели. Если отключить ядро, стена рухнет у всех сразу. И у Марка был шифр доступа. Он успел спрятать свои аналоговые записи в нашем доме, в своей комнате, прямо перед тем, как прилетел

дрон Порядка. Нам нужно вернуться туда и забрать дневник.

Нейт медленно поднял голову, и в его светлых глазах промелькнул опасный, лихой, почти безумный огонек. Он переглянулся с Лили, которая лишь тяжело вздохнула, потерла переносицу и покачала головой.

— Ну надо же, — негромко, с уважением произнес Нейт, поднимаясь во весь рост. — Наша комнатная птичка не просто сбежала из клетки. Она собирается эту клетку взорвать к чертям собачьим. Что ж… Добро пожаловать в «Сбой», Кира. Завтра на рассвете начнем планировать твое первое официальное свидание со смертью.

Глава 9. Синдром отмены

Жесткая брезентовая кушетка внутри разбитого, перекошенного вагона казалась Кире ледяной плитой. Она лежала навзничь, уставившись в проржавевший потолок, сквозь щели которого то тонкими струями сочился сквозняк, то доносился глухой, монотонный гул гигантских вентиляционных шахт промзоны.

Вся её прошлая жизнь, вылизанная до тошноты система «Домус», бесшовная серая форма и ровные прямоугольники солнца на столешнице Верхнего города остались где-то там, за толщей бетона, брони и коллекторов. Здесь, на изнанке Анимуса, мир дышал по-другому — рвано, тяжело, с привкусом мазута и канифоли.

Кира судорожно сжала ладонями края колючего шерстяного одеяла. Спать в этой звенящей, чужой тишине трущоб было невозможно. Но самое страшное началось ближе к полуночи, когда усталость окончательно налила тело свинцом, а мысли стали терять четкость.

Её левое запястье, освобожденное от серебристого обруча «Гармонии», казалось неестественно легким, почти невесомым. И в эту пустоту на коже внезапно, лавинообразным обвалом ударил страх.

Это не была та привычная, контролируемая тревога, которую в Верхнем городе можно было погасить парой глубоких

вдохов или математическим расчетом графиков продуктивности.

Синдром отмены накрыл её сознание мгновенно, без предупреждения. Мозг, который с самого раннего детства зависел от искусственного протокола ИИ, который каждую секунду получал микродозы химического успокоения и электрические импульсы через иглы браслета, впервые остался один на один с реальностью. И эта реальность была удушающей.

Воздуха в груди вдруг катастрофически не стало. Кира дернулась вверх, садясь на кушетке, но стены перекошенного вагона словно покачнулись, сужаясь до размеров калибровочной капсулы Цитадели.

Сердце заколотилось в самые ребра с такой бешеной, рваной скоростью, что в ушах раздался характерный, пронзительный писк — фантомный сигнал тревоги, который больше некому было считывать.

Перед глазами поплыли рваные, пульсирующие багровые пятна. На лбу мгновенно выступили крупные капли холодного пота, а тело забила непрекращающаяся дрожь. Зубы звонко застучали, издавая мелкий чечеточный звук в пустом полумраке вагона.

Ей показалось, что невидимые белые штурмовики Касты Порядка уже стоят у дверей, разворачивая веерные сканеры, а Марк за кухонным столом продолжает методично стирать ногти о пластик, улыбаясь своей мертвой улыбкой.

Паника выжигала её изнутри, лишая возможности сделать даже минимальный вдох. Кира закрыла лицо содранными, оцарапанными ладонями и задохнулась в беззвучном, сухом всхлипе.

Настоящий, первобытный человеческий ужас, который система выжигала из людей десятилетиями, вернулся к ней за одну секунду.

— Кира. Дыши. Слышишь меня? Дыши, птичка.

Металлическая дверь вагона со скрежетом отъехала в сторону, и на пороге выросла широкая фигура. Нейт влетел внутрь абсолютно бесшумно, словно тень, мгновенно оценив обстановку.

На нем больше не было строгого пиджака Верхнего города — простая черная майка, открывающая длинный лазерный шрам на плече, и потертые штаны трущоб.

Он в один прыжок оказался рядом с кушеткой, жестко перехватил дрожащие запястья Киры и силой отвел ладони от её лица.

— Пусти… пусти меня, Нейт… я не могу… воздух… — Кира слепо дернулась в сторону, пытаясь вырваться из его хватки, но парень держал крепко, фиксируя её плечи своим весом.

— Не пущу, — тихо, но с ледяной, непреклонной уличной жесткостью отрезал он, наклоняясь к самому её лицу. Его горячее дыхание обожгло её холодные, дрожащие губы. — Посмотри на меня, Кира! В глаза мне смотри! Живо!

Кира сквозь пелену слез и багровые пятна с трудом сфокусировала взгляд на его неестественно светлых зрачках. В этой темноте они казались единственной неподвижной, твердой точкой во всем рушащемся мире.

— Слушай мой голос и считай со мной, — приказал Нейт, ослабляя хватку на её руках, но не выпуская пальцев.

Он прижал её ладонь к своей широкой, горячей груди.

— Чувствуешь, как бьется? Раз. Два. Три. А теперь вдох. Медленно. Не хватай воздух ртом, задохнешься. Давай вместе. Вдох… Задержи дыхание.

Кира сделала судорожное, рваное усилие. Легкие обдало сухим, холодным воздухом трущоб, но её ладонь под его пальцами поднималась и опускалась ровно, размеренно, выравнивая её собственный загнанный пульс. Раз. Два. Три. Чистый человеческий такт, лишенный алгоритмов ИИ.

Дрожь в теле постепенно начала утихать, уступая место тяжелой, звенящей опустошенности. Багровые пятна перед глазами растворились в темноте вагона, оставив лишь тусклый отсвет аварийного диода с платформы депо. Кира обмякла, бессильно уронив голову на его жесткое плечо.

— Это… это был синдром отмены? — едва слышно, сиплым голосом спросила она, утыкаясь лбом в ткань майки, которая пахла канифолью и горьким табаком.

— Он самый, — Нейт не отстранился, его рука бережно, почти незаметно коснулась её растрепанных волос. — Твой мозг сейчас паникует, потому что его лишили анестезии. Си-

стема Верхнего города блокировала наши чувства с самого детства, Кира. Тебе давали искусственный покой в обмен на твою волю. А теперь блокировка снята. Всё, что ты не добоялась, не доплакала и не доненавидела за свои семнадцать лет, сейчас пытается прорваться наружу одновременно.

Кира судорожно сглотнула сухой комок в горле:

— Как вы здесь с этим справляетесь? В Нижнем городе… без браслетов?

Нейт горько, сухо усмехнулся в темноте:

— Сначала все кричат. Первую неделю в «Улье» новоприбывшие обычно проводят на полу, катаясь от шока, когда к ним возвращается память. Кто-то ломается, кто-то пытается бежать обратно к инспекторам, чтобы снова надеть этот серебряный ошейник и получить дозу транквилизатора. Но те, кто выживают… они учатся злиться, Кира. Чистая, направленная человеческая ярость — это единственный антидот против их стерильного рая. Мы здесь не роботы, мы не выравниваем шаг по секундомеру. Если тебе больно — плачь. Если тебе страшно — хватайся за меня. Но не вздумай закрывать глаза и сдаваться этой пустоте.

Кира сильнее сжала пальцы на его черной майке, чувствуя, как внутри, на месте выжженного страха, медленно разгорается тяжелое, упрямое и злое тепло Нижнего города. Ломка отступила, оставив после себя твердую, как сталь, осознанность.

Назад дороги действительно не было, но здесь, в полумра-

ке разваливающегося вагона, рядом с этим жестким отчаянным парнем, она впервые за всю жизнь почувствовала себя по-настоящему живой.

— Спасибо. Я буду бороться и не вернусь назад, — тихо, но абсолютно отчетливо произнесла она, поднимая голову и глядя ему прямо в глаза. — Мы вытащим Марка и остальных.

Нейт внимательно всматривался в ее лицо долгие секунды, и на его губах наконец появилась бледная, но настоящая, лихая усмешка уличного дельца.

— Отлично, птичка. Логика девиантов принята. А теперь вставай, раз уж тебе всё равно не спится. Пойдем на платформу, я покажу тебе, как на самом деле устроен мир, пока Лили не сожгла наши серверные логи.

Глава 10. Законы Улья

Тяжелая металлическая дверь вагона со скрежетом отъехала в сторону, и Кира сделала шаг наружу, на обдуваемую сквозняками бетонную платформу.

Воздух здесь казался еще более плотным, маслянистым и густым, наполненным резким скрежетом работающих турбин и отдаленным неоновым шумом, пробивающимся сквозь дренажные шахты.

Нейт шел на полшага впереди, лениво водя узким лучом ручного фонаря по изрезанным граффити и копотью стенам арочного свода.

Огромный зал заброшенного депо поездов на магнитной подушке ночью напоминал внутренности гигантского механического зверя, заснувшего посреди ржавого железа.

— Добро пожаловать на дно, Кира, — тихо произнес он, не оборачиваясь. — Смотри под ноги. Здесь нет автоматических датчиков «Домуса», которые почистят плитку, если ты споткнешься о кабель.

Кира осторожно ступала по выщербленной бетонной платформе, жадно вглядываясь в детали этого скрытого от Верхнего мира подполья. Вокруг, прямо на путях и бетонных настилах, уродливыми гроздьями горбились самодельные жилые ячейки изгоев.

Вместо безупречных белых панелей здесь использовали

брезентовые тенты, листы гофрированного железа и куски обшивки разбитых вагонов. Кое-где сквозь щели палаток пробивался тусклый, грязно-зеленый отсвет старых мониторов, а из ржавых бочек, заменявших обогреватели, лениво поднимался сизый дым от сгорающего синтетического топлива.

Это место жило по своему собственному, дикому и жесткому ритму, который не подчинялся никаким логическим таблицам Синхронии. Здесь не было той идеальной, вежливой тишины Верхнего Анимуса, от которой закладывало уши.

Из темноты дальних тупиков то и дело доносились обрывки хриплого человеческого смеха, злая, надрывная ругань техников над вскрытым капотом дрезины и монотонный, тяжелый стук молота по металлу.

Люди здесь злились, боялись и ненавидели сами, без оглядки на браслеты и предупреждающие электрические разряды.

— Они все… они все девианты? — негромко спросила Кира, поправляя капюшон куртки.

— Для Касты Порядка мы все — неисправный металлолом, подлежащий утилизации, — Нейт остановился у самого края платформы, опустив луч фонаря вниз, в глубокую ремонтную яму. — Но здесь, в «Улье», другие законы. Первый закон — ты стоишь ровно столько, сколько умеют делать твои руки. Если ты не умеешь паять платы, перебирать

движки или хотя бы держать караульный шокер на посту — ты обуза для сектора. А обуза долго не живет.

На дальнем конце платформы, у массивного распределительного щита, Кира увидела Лили. Хакерша сидела прямо на перевернутом пластиковом ящике, уткнувшись лицом в мерцающий синевой экран своего терминала.

Ее пальцы летали по клавишам с частотой пулеметной очереди, а асимметричная стрижка с выбритым боком забавно подсвечивалась неоном.

Рядом с ней, скрестив огромные руки на груди, темной неподвижной глыбой высился Ян. В его руке был зажат тяжелый стальной резак, а суровый взгляд был прикован к проходу технического тоннеля.

— Ян держит периметр, — Нейт кивнул в сторону широкоплечего парня. — Распределяет дозорных по ближним блокпостам трущоб, следит за уровнем фильтрации воды и делит остатки сухпайков. Он здесь вроде вожака. Не потому, что его выбрали по протоколу, а потому, что если Ян закрутит гайки на постах, мы продержимся против их дронов еще неделю. Если ослабит — нас сожрут за сутки.

В эту секунду Ян словно почувствовал их присутствие. Он медленно повернул голову, окинув Киру тяжелым, пронзительным взглядом из-под густых бровей. В его глазах не было злости, но от этой гранитной, уверенной силы Кире невольно захотелось отступить на шаг.

Ян молча и хмуро кивнул Нейту, подтверждая, что на

внешних рубежах коллекторов пока тихо, и снова повернулся к Лили, сверяя маршруты патрулей Касты Порядка.

— Они делят всё, Кира, — тихо продолжил Нейт, увлекая её дальше по платформе к верстаку, где остывал паяльник. — Каждый литр чистой воды, каждую рабочую батарею, каждый чип памяти. Это голодный мир. Здесь свобода пахнет гарью и ржавчиной, а не корицей с тостами, как в твоей чистенькой квартире. Но знаешь, в чем разница?

Он остановился вплотную к ней, выключил фонарь и посмотрел прямо в ее глаза своими светлыми, пугающе живыми зрачками.

— Те манекены наверху улыбаются, потому что за них так решил алгоритм. А этот грязный старик на рынке трущоб, который со скрежетом протеза тянет к тебе карточки памяти старого мира, он злится и орет на тебя, потому что это его личная, выстраданная злость. Мы здесь имеем право на свою собственную, невычищенную боль. И это единственное, ради чего стоит держаться за эти ржавые железки.

Кира посмотрела на свои содранные ладони, затем — на далекие костры изгоев в недрах депо. Страх, который еще час назад удушающей волной выжигал её легкие, окончательно ушел. На его месте внутри застывало тяжелое, упрямое и холодное упорство, которое она переняла от Марка.

— Я поняла, — тихо, но совершенно твердо произнесла она, сжимая кулаки. — Я научусь вашим законам, Нейт. Показывай, что нужно делать.

Нейт коротко, хищно усмехнулся, и его пальцы на секунду крепко сжали ее плечо сквозь плотную ткань куртки из неольна.

— Вот теперь я вижу, что ты Рихтер, — негромко произнес он, поворачиваясь к верстаку. — Садись. Время планировать нашу очередную вылазку на поверхность.

Глава 11. Точка невозврата

«Есть вещи, которые нельзя развидеть. Например, как выглядит человек, у которого только что забрали его собственный страх. Он благодарит тебя. Искренне. От всего сердца. А ты стоишь и понимаешь: то, что он называет благодарностью, — уже не его. И это ты сделал так, чтобы он этого не заметил. Система говорит: «Хорошая работа, доктор». Я отвечаю: «Спасибо». Мы оба знаем, что это ритуал»
— Из архива Т. Лока

Утро в подземном депо началось не с привычного стерильного щелчка диффузоров, а с тяжелого, басовитого, пробирающего до самых костей гула вентиляционных шахт.

Огромные турбины, расположенные где-то в промышленных недрах Нижнего города, с натужным ревом выталкивали скопившийся за ночь чад, гарь и тяжелые испарения коллекторов куда-то вверх — к чистым, закрытым куполами кварталам Верхних садов.

Кира резко открыла глаза и тут же села на узкой, жесткой кушетке внутри разбитого, перекошенного вагона. Всю ночь ей снился один и тот же сон: белая глянцевая машина увозит Лизу, а Марк за кухонным столом методично стучит пальцем по фарфору, стирая ногти до костей.

Девушка судорожно сжала ладонями шерстяное, колючее

одеяло, которое насквозь пропиталось чужим домом, машинным маслом и запахом сырого металла.

Ее левое запястье, освобожденное от серебристого обруча, всё ещё казалось неестественно легким, почти невесомым. Кира то и дело ловила себя на фантомном ощущении покалывания, словно микроиглы «Гармонии» всё еще сидели в её коже. Но кожи касался лишь прохладный, сквозящий из щелей вагона воздух трущоб.

Она спустилась по погнутым металлическим ступеням на бетонную платформу как раз в тот момент, когда Лили запустила центральный проектор. Над ржавой, чадящей бочкой с углем, со свистом и треском развернулся огромный, мерцающий синеватым светом голографический экран. Лили стояла рядом, скрестив руки на груди, её очки-лупы были сдвинуты на лоб.

— Эй, беглая, полюбуйся, — хмуро, без тени улыбки бросила хакерша, не поворачивая головы. — Поздравляю, ты теперь местная знаменитость. Твой индекс популярности на Верхних уровнях бьет все рекорды.

С мерцающего экрана на Киру смотрело её собственное лицо. Это было идеальное, гладкое, профессионально отретушированное фото из её личного дела в лицее. Волос к волосу, вежливая улыбка «категории Б».

Но чуть ниже этого безупречного портрета теперь горела жирная, пульсирующая багровая плашка розыска, а монотонный механический голос диктора из Верхнего города

вещал на весь сектор, заполняя депо зловещим эхом:

«Гражданка Кира Рихтер, семнадцать лет. Внимание всем патрульным группам Порядка. В индивидуальном контуре субъекта зафиксирована терминальная стадия ментального распада. Субъект представляет критическую опасность для психологического климата гармоничного общества, склонна к немотивированной агрессии и хаотическим девиациям. В случае обнаружения не вступайте в вербальный контакт, заблокируйте ближайшие терминалы связи и немедленно вызовите группу экстренной санации».

— Терминальная стадия, надо же, — хрипло, коротко усмехнулся Ян, сидевший на перевернутом ящике неподалеку от бочки. Он методично и зло чистил огромный гаечный ключ маслянистой тряпкой. — А по виду и не скажешь, что ты готова кого-то покусать, мелкая. Обычная напуганная девчонка из Верхних садов.

— Для них любая мысль, которую нельзя оцифровать и загнать в их сраные графики продуктивности — это уже терминальная стадия, — Нейт появился из глубокой темноты технического тоннеля так бесшумно, что Кира вздрогнула.

Парень выглядел чертовски уставшим. Под его светлыми глазами залегли тяжелые, темные тени, словно он вообще не ложился этой ночью, а его потертая кожаная куртка была влажной от осевшего коллекторного конденсата.

Он подошел к верстаку, на ходу бросив на Киру быстрый, изучающий взгляд, и одним резким взмахом руки погасил

голограмму розыска. Картинка с шипением рассыпалась на тысячи блеклых синих искр.

— У нас проблемы, — спокойно, без паники продолжил Нейт, глядя прямо на Киру. — Нас заблокируют здесь в течение сорока восьми часов, это максимум. Система уже начала зачистку секторов водоотведения. Они пробивают шлюз за шлюзом, методично сужая кольцо. Скоро их поисковые дроны доберутся и до этого депо. Если мы хотим достать аналоговые записи твоего брата, двигаться нужно прямо сейчас, не теряя ни минуты. Но есть одна деталь.

— Какая? — Кира подобралась, чувствуя, как внутри снова, вопреки страху, начинает закипать холодная, упрямая и злая решимость.

— Верхний город полностью заблокировал все гражданские лифты и транспортные узлы сразу после твоего вчерашнего побега, — ответила за него Лили, яростно стуча тонкими пальцами по клавиатуре своего терминала. — Лифты стоят намертво. Единственный путь наверх — через грузовой сектор снабжения «Омега». Туда раз в сутки приходят цистерны с технической водой из подземных ледников. Там адски холодно, шлюзы открываются всего на три минуты по внутреннему таймеру, а охраняют их не глупые автоматические дроны, а живые силовики Касты Порядка в экзокостюмах.

Нейт сделал шаг ближе к Кире, внимательно всматриваясь в ее бледное лицо. Его светлые глаза опасно сузились.

— Мне нужен этот шифр и дневник твоего брата не меньше, чем тебе, птичка, — тихо, но удивительно весомо произнес он. — Мой отец строил эту эмпатическую систему, и я знаю её изнанку. Если Марк действительно нашел уязвимость в архитектуре центрального ядра, это наш единственный, призрачный шанс остановить калибровку и вытащить людей. Давай заключим с тобой сделку. Я провожу тебя в твою чистенькую квартиру сквозь ледяные шлюзы «Омеги». Я помогу тебе перерыть вещи брата и вытащить тетрадь. Но как только данные будут у нас, ты добровольно отдаешь шифр Лили. Мы используем его, чтобы вырубить «Эмпат» по всему Нижнему городу. Идет?

Кира посмотрела на его протянутую ладонь — широкую, с мелкими шрамами от проводов на костяшках и следами въевшегося мазута. Она отчетливо понимала, что этот циничный, жесткий парень сейчас рискует жизнями всех обитателей «Сбоя» ради призрачного шанса сломать железный гроб, в который система закатала половину его знакомых.

— Идет, — Кира без колебаний протянула руку и крепко пожала его ладонь.

Кожа Нейта была горячей, шершавой, и это простое рукопожатие без датчиков и протоколов показалось ей самым честным, самым настоящим событием за все её семнадцать лет.

— Отлично, — Нейт резко разорвал контакт и обернулся к Яну. — Ян, бросай ключ, готовь гидрокостюмы и теп-

ловые пакеты. Выходим через тридцать минут, пока ИИ сектора проводит пересчет продуктивности. Лили, держи связь на резервной частоте. Если мы не выйдем на контакт через два часа — сжигай депо к чертям и уводи всех в глубокие коллекторы. Нас больше нет.

Лили ничего не ответила, лишь молча и тяжело кивнула, но ее пальцы на секунду замерли над мерцающей клавиатурой.

Кира подошла к самому краю бетонной платформы, глядя на темный, пугающий зев технического тоннеля, уходящего круто вверх. Туда, где за толщей бетона, брони и стекла жил своей идеальной, страшной и сытой жизнью Верхний Анимус.

Назад дороги не было — имя стерто из системы, зеленый огонек погас, а впереди была только неизвестность, пахнущая ледяной водой и порохом.

Глава 12. Шпионские игры

«Когда я был молод, я верил, что смогу всё рассчитать. Боль, страх, ярость — это просто данные. Обработай правильно — и человек счастлив. Теперь я знаю: счастлив не человек. Счастлива система, в которой он живёт. А человек… человек просто перестаёт мешать. Иногда мне кажется, что это и есть ад. Просто очень вежливый»
— Запись без даты

Грузовой сектор «Омега» встретил их глухим, утробным, сотрясающим стены скрежетом гидравлических поршней и тяжелым, удушливым запахом застоявшейся ледяной воды.

Здесь, в глубоких шлюзовых камерах, вырубленных в бетонном основании прямо под Верхним городом, температура стремительно падала почти до нуля градусов. Тонкие кустарные гидрокостюмы из грубого неопрена, которые Ян откопал на полузатопленных нижних складах депо, едва спасали от пронизывающей, липкой сырости.

Киру била мелкая, непрекращающаяся дрожь, зубы стучали, но она мертвой хваткой сжимала пальцы, стараясь не издавать ни единого звука. Любой лишний шорох мог быть распознан акустическими датчиками шлюза.

Нейт стоял на полшага впереди, намертво прижавшись

спиной к массивной, покрытой инеем стальной переборке. В его руках тускло, тревожно светился переносной инжектор кодов, соединенный толстым экранированным кабелем напрямую со служебным терминалом распределительного шлюза.

— Лили, мы на исходной точке, — негромко, едва шевеля замерзшими губами, произнес он в крошечный микрофон-петличку. — Давление в цистернах падает, идет сброс конденсата. Давай наше окно. Живее.

В наушнике Киры хрустнуло, раздался тяжелый статический треск, а затем прорвался быстрый, уверенный и напряженный голос хакерши:

— Подменяю цифровые профили в реальном времени. Пришлось задействовать три резервных прокси. Сейчас вы для системы не беглые ментальные смертники, а инспекторы очистных сооружений третьего разряда по плановому вызову. У вас ровно три минуты, пока ИИ сектора проводит циклическую перезагрузку протоколов локальной безопасности. Три. Два. Один… Пошли! Лифты стоят, шлюз открыт!

Тяжелая круглая створка шлюза со скрежетом и шипением стравливаемого воздуха сдвинулась в сторону, открывая проход в залитый ослепительно-белым, хирургическим светом коридор Верхнего города. Кира инстинктивно зажмурилась, прикрывая глаза ладонью от этой стерильной белизны после долгой темноты коллекторов.

— Капюшон набрось и спину выпрями, птичка, — резко,

но очень тихо скомандовал Нейт, жестко дернув ее за плечо вперед. — Мы не прячемся от камер, мы здесь работаем по регламенту. В Верхнем городе в первую очередь подозревают тех, кто оглядывается и сутулится. Смотри строго перед собой. Лицо кирпичом.

Они вышли из технической зоны шлюзов напрямую в жилой квартал «А-12». Контраст с Нижним городом был настолько резким, что Кире показалось, будто её ударили по голове. После кромешной тьмы, вони и ржавчины «Улья» этот мир казался нарисованным, искусственным, вылизанным до тошноты.

Вокруг плыли идеально ровные, подстриженные под линеечку кроны декоративных деревьев, под ногами шуршала безупречно чистая белая плитка, а из скрытых в стенах динамиков лилась все та же безмятежная, усыпляющая, транслирующая ложную безопасность музыка «категории А».

Кира натянула козырек серой рабочей кепки как можно ниже, пряча глаза. Ее собственное лицо всё еще могло висеть на центральных городских пилонах в багровой плашке розыска, хотя Лили и уверяла, что временно зациклила видеопоток с местных камер наблюдения этого переулка.

Они двигались быстро, стараясь слиться с редкими прохожими, которые спешили по своим делам. Навстречу им по чистой дорожке прошла молодая женщина, ведущая за руку маленького мальчика лет четырех.

Мальчик весело смеялся — громко, звонко, прыгая на од-

ной ножке, но Кира с ужасом заметила на его крошечном, пухлом запястье тонкий, еще полупрозрачный детский ободок «Гармонии». Прибор мерцал мягким бледно-зеленым светом, бережно контролируя первые проявления характера ребенка.

Ее передернуло от отвращения. Систему контроля начинали настраивать с самого раннего детства, мягко, незаметно глуша любые эмоциональные пики, любые вспышки детского гнева или чрезмерной радости, пока они не превратились с возрастом в полноценный, опасный внутренний бунт. Город воспитывал своих манекенов с колыбели.

— Нам туда, — Кира незаметно указала глазами на высокий, уходящий в небо стеклянный пилон жилого комплекса, где на семнадцатом этаже осталась её прошлая квартира.

— Жди здесь, в нише у входа в подземную парковку, — Нейт придержал её за локоть возле раскидистого куста искусственной олеандры, которая пахла химической свежестью. — Я проверю сканеры центрального холла. Если там дежурит живой патруль Касты Порядка, твоя фальшивая карточка инспектора очистных нам не поможет. Они пробьют сетчатку вручную.

Он тенью скользнул к стеклянным дверям вестибюля. Кира осталась стоять в тени пластиковых листьев, чувствуя, как под плотной тканью гидрокостюма по спине катится холодная капля пота.

Без браслета на руке она чувствовала себя совершенно

голой, беззащитной. Каждое проявление страха теперь принадлежало только ей, его никто не глушил электрическими разрядами микроигл, и эта первобытная, чистая тревога заставляла сердце колотиться в самые ребра с бешеной скоростью.

Вдруг безмятежная эмбиент-музыка из уличных динамиков площади на секунду прервалась резким статическим щелчком. Раздался короткий, неприятный зуммерный сигнал, и на центральном пилоне площади, прямо над их головами, вспыхнуло экстренное сообщение, окрасив плитку в багровый цвет:

«Внимание всем жителям и патрульным группам сектора А-12. Зафиксировано несанкционированное проникновение чужеродных элементов Нижнего уровня. Введен план локального сканирования «Сеть». Пожалуйста, оставайтесь в границах своих жилых ячеек, заблокируйте двери и терминалы связи до завершения полной проверки эмпатического соответствия периметра».

Кира похолодела, чувствуя, как воздух застревает в легких. Они не успели. Система обнаружила присутствие чужаков на поверхности гораздо раньше, чем они смогли дойти до комнаты Марка и забрать дневник.

Из широких дверей подземной парковки всего в двадцати метрах от нее послышался тяжелый, синхронный, лязгающий топот магнитных берцев — патруль Касты Порядка уже выходил на периметр площади, разворачивая веерные

сканеры.

В эту же секунду из холла вестибюля пулей выскочил Нейт. Его лицо было бледным, а светлые глаза горели яростным, опасным и диким блеском загнанного в угол волка. Он в один прыжок преодолел расстояние между ними, перехватил ее за талию и буквально впечатал обратно вглубь кустов олеандры, закрывая своим широким телом от ярко-синего сканирующего луча, который уже начал медленно, методично ощупывать белую плитку площади.

— Нас сдали, — выдохнул он ей прямо в губы, и Кира почувствовала, как крупно, рвано дрожат его напряженные мышцы. — Двери заблокированы терминалом порядка. Мы полностью заперты на поверхности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.